

Андрей Ливадный

Серв-батальон

*Часть сборника
Серв-батальон (сборник)*

Экспансия: История Галактики

Андрей Ливадный

Серв-батальон

«Автор»

2007

Ливадный А. Л.

Серв-батальон / А. Л. Ливадный — «Автор»,
2007 — (Экспансия: История Галактики)

Разгар Первой Галактической... Земной Альянс продолжает вести изнуряющую войну, упуская шанс на мирное решение конфликта. И вновь тринадцатый серв-батальон должен отправиться для выполнения опасного задания в один из уголков космоса...

© Ливадный А. Л., 2007

© Автор, 2007

Содержание

Пролог	5
Глава 1	9
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Андрей Ливадный

Серв-батальон

Пролог

22 августа 2617 года по летоисчислению Земли Линия Хаммера¹...

Знойный, хмурый полдень на Везувии озаряли отсветы множества извержений.

Отравленный выбросами вулканической деятельности воздух не годился для дыхания, низкое небо, сплошь затянутое косматыми, свинцово-серыми облаками, висело низко, отражая багрянец огненной стихии.

Казалось, распростершийся под низким, давящим небом мир совершенно непригоден для жизни, но война изменила многие критерии целесообразности.

Везувий был не просто колонизирован, а плотно заселен: здесь располагались промышленные базы Земного Альянса, обеспечивающие ремонт пострадавшей в боях техники, – с театров боевых действий на орбиты планеты, через аномалию космоса буксировали поврежденные космические корабли, которые затем доставляли на поверхность при помощи специальных технических носителей². Немало прибывало транспортов с разбитыми серв-машинами, которые еще подлежали ремонту, или предназначались для разборки на запасные части.

На Везувии базировались не только «сухие» ремонтные доки для крупнотоннажных кораблей, но и заводы по восстановлению планетарной техники, – в суровых условиях горячей, молодой планеты, где деятельность вулканов не требовала дополнительных средств маскировки, а полезные ископаемые залегали буквально на поверхности, существовало еще одно преимущество: расположенные тут полигоны, предназначенные для испытаний восстановленных серв-машин, идеально отвечали критериям условий «приближенных к боевым».

Дональд Кроу относился к жизни легко.

Служба на испытательных полигонах Везувия в другое время не показалась бы синекурой, но когда идет страшная по количеству жертв и накалу боев война, которой, как пожаром охвачен весь освоенный людьми космос, жизнь под низким, свинцовым небом покажется райской, если альтернатива – почти гарантированная смерть.

В общем, он не роптал на судьбу.

Сегодняшний день не сулил неприятностей и вряд ли в понимании Дональда отличался от сотен других серых и скучных, наполненных трудной, но не опасной работой.

Сегодня ему предстояло прогнать тест у трех «Хоплитов», отреставрированных после жестоких боев. Ничего сложного или необычного – прогулка по коварной, пересеченной местности в условия плохой видимости из-за постоянного падающего с небес вулканического пепла, пара прыжков на реактивных ускорителях через неширокие реки лавы, пересекающие равнину, стрельба по мишеням.

¹ Линия Хаммера – Ближайшие к Земле звездные системы, образующие рубеж обороны на дальних подступах к прародине человечества. После окончания войны планеты «Линии Хаммера» были закрыты на карантин из-за обилия кибернетических устройств, оснащенных программами независимого поведения.

² Технические носители – специализированные корабли, предназначенные для проводки через атмосферы планет кораблей крупного и среднего тоннажа. Бронирование и вооружение отсутствует. Экипаж – два человека. Оснащены системой насильственной стыковки, силовыми захватами, мощными планетарными двигателями.

Кроме необходимости провести много часов в стареньком боевом скафандре, в котором к тому же сбоила система терморегуляции, иных неудобств не предвиделось.

Покинув ангар, Кроу уверенной походкой направился к крайней в ряду машине. «Хоплит-2М» – новая модель, обещающая стать настоящей «рабочей лошадкой» десантных подразделений на ближайшую перспективу.

Подойдя к сорокапятитонному исполину Дональд невольно обратил внимание на внешний вид машины: оба подвесных орудия заменены; на оружейных пилонах по правому борту красовалась новенькая сборка ракетных тубусов, зенитная турель вообще отсутствовала, вместо нее конструктора установили два лазера средней мощности на вращающихся ложементах.

Интересная конфигурация. – Подумал Кроу, обходя серв-машину. Под слоем свежего маскирующего покрытия «хамелеон» (в данный момент деактивированного) на некоторых бронеплитах сегментированной обшивки угадывалось множество выщерблин, – досталось же ему, – мысленно удивился Дональд, заметив, что все бронированные кожухи, закрывающие сервомоторные узлы, отливают свежим заводским глянцем, – их сменили, как и подавляющую часть керамлитовых сегментов. Создавалось впечатление, что сервомеханизм получил не просто критические повреждения, он был в буквальном смысле изрешечен...

Трудно даже представить в какой дикой мясорубке пришлось побывать «Хоплиту», чтобы получить такие повреждения.

Ладно. Мое дело протестировать механизм.

Настроение у Дональда было отличным, он открыл защитную заслонку и коснулся сенсора технического доступа в рубку.

Послушно раскрылся люк, с пятиметровой высоты спустилась телескопическая лесенка.

Насвистывая веселый мотивчик, Дональд поднялся к рубке, прошел через шлюз и оказался внутри серв-машины.

Обзорные экраны включились при его появлении, подвижные приборные панели, плотно обступающие пилот-ложемент, отодвинулись, освобождая пилоту проход к креслу.

Он включил дистанционную связь через устройства импланта³, – при этом не инициировался полноценный нейросенсорный контакт разума человека с системой «Одиночка», а включался режим мысленных команд третьего уровня, – вполне достаточно для технического тестирования, тем более что большинство операций машина будет производить сама, а дело Дональда – подкидывать ей внезапный вводные, на которые киберсистема должна реагировать быстро и адекватно.

Ну что детка, начнем?

В ответ канал связи отозвался глухой тишиной. Приборные панели автоматически вернулись на место, зажглись огни индикации автопилотов, – машина демонстрировала полную готовность к прохождению испытаний, но модуль «Одиночки» не желал разговаривать с человеком.

Дональд разозлился.

Вообще он был покладист, даже немного трусоват, – лишь в общении с бездушными и безропотными машинами позволяя себе снисходительную развязанность.

В конце концов, чтобы там не твердили о наличии искусственного интеллекта у нового поколения «Одиночек», типа «Беатрис-4», что, судя по спецификации, установлена на борту данного «Хоплита», но Кроу неизменно относился к машинному разуму, как к дешевой под-

³ Имплант – вживляемый контактный разъем для подключения соединительного кабеля, через который осуществлялся контакт человека с кибернетической системой. По мере развития технологий необходимость в соединительном кабеле отпала, сам имплант усложнился.

делке, – подумаешь искусственный интеллект, что ж теперь с каждым дroidом пехотной поддержки беседовать как с равным?

Нет уж детка, заканчивай привередничать. Наверное, у тебя милый голосок. Ну, скажи: «доброе утро пилот»...

Тишина в коммуникаторе неприятно оглушала. Она казалась вязкой, неприязненной, враждебной.

Ладно. Я с тобой разберусь. – С нотками раздражения подумал Дональд, застегивая страховочные ремни. Амортизационные дуги пилот-ложемента, катапультируемого в случае критических повреждений машины, автоматически сомкнулись, приборные панели придвинулись еще ближе, все сигналы индикации свидетельствовали о полной готовности к ходовым испытаниям.

Вперед, прямо на пятьсот метров, затем поворот – девяносто градусов вправо. Пошла!

«Хоплит» не шелохнулся.

Вот дрянь... Ты что возомнила о себе, железка? Я ясно сказал – начинаем движение!

В следующий момент произошло нечто невероятное. Вместо того, чтобы подчиниться приказу, машина внезапно зажгла на пульте злобный предупреждающий сигнал, затем раздался характерный звук раскрывающихся, будто металлический бутон, бронеплит рубки управления, и пилот-ложемент с онемевшим от неожиданности Дональдом швырнуло к хмурым небесам Везувия болезненным ударом аварийно-спасательной катапульты.

«Хоплит», катапультировав пилота, включил канал телеметрии, транслируя данные о работе систем на центральный диспетчерский пункт полигона, и начал движение, – на пятьсот метров прямо, потом направо, и дальше, – по собственной инициативе, преодолевая различные преграды и расстреливая внезапно появляющиеся мишени.

* * *

Когда Дональд Кроу, освободившись от страховочных ремней благополучно приземлившегося ложемента, доковылял до командного пункта, «Хоплит» уже завершил тестовую программу, самостоятельно вернулся к ангару и занял место в центре разметочного круга.

Войдя в помещение диспетчерской Дональд, уже успевший разгерметизировать шлем, разразился яростной бранью.

Начальник полигона – майор, потерявший в боях обе руки, которые ему заменяли кибернетические протезы, повернулся, посмотрел на разъяренного пилота и произнес:

– Успокойся.

– Успокойся?! Да эта фрайгова машина вышвырнула меня из рубки!

– Я видел.

– И что?! – Лицо Кроу исказила злобная гримаса.

– Видно ты пришелся не по душе «Беатрис». – Сохраняя хладнокровие, ответил майор. – Я тут посмотрел документы, она потеряла пилота в последнем бою. Оттуда попала к нам.

– У нее травматический шок?! Не может видеть других людей? Не желает слушать чужих приказов?! Страдает по своему пилоту?

– Да. – С холодной неприязнью в голосе ответил майор.

– С каких это пор «Одиночкам» позволено переживать, а тем более вышвыривать человека из рубки?!

– У нее погиб пилот. – Словно не слыша слов Дональда, повторил старший офицер полигона. Он в отличие от Кроу знал, что значит терять боевых друзей, он видел, как плачут мужчины, и, сравнивая хамское поведение пилота-испытателя, со сдержанной реакцией искусственного рассудка, познавшего боль смертельной утраты, находил сравнение не в пользу Кроу.

– Вот что, – устало произнес майор. – Машина полностью прошла тест. Она исправна. Давай, подписывай акт испытаний, и забудем о случившемся.

– Что?!

– Ничего. Я наложил свою резолюцию: испытания успешны, «Хоплит» рекомендован к эксплуатации в автоматическом, беспилотном режиме. Подписывай, или клянусь богом – я найду способ отправить тебя на фронт!

Лицо Дональда вытянулось, побледнело, – он в первый раз видел флегматичного майора разъяренным, и ни на миг не усомнился, что тот выполнит данное обещание.

Проклятье...

– Ладно, я подпишу... – Вслух произнес Кроу.

Склонившись над листом пластбумаги, где были отпечатаны данные по испытаниям он, ставя подпись, краем глаза успел взглянуть на другие бумаги.

Для большинства машин, из последней партии, в графе «подразделение-отправитель», значилось одно и то же:

«Тринадцатый серв-батальон».

Глава 1

25 июня 2624 года

Линия Хаммера

Они прибыли на Юнону в составе последнего пополнения.

Двести человек, еще юные: в возрасте от семнадцати до девятнадцати лет.

Челнок, доставивший их с борта общевойскового транспорта, приземлился на рассвете, когда край пылающего диска Юны едва показался из-за линии горизонта.

Первое впечатление о том, что планета полностью терраформирована и утопает в зелени, оказалось обманчивым. Под маскирующими лесопосадками, состоявшими из одной породы хвойных деревьев, модифицированных в военных лабораториях Новой Земли⁴, пряталась разветвленная структура военных баз, космодромов, полигонов для испытаний новой техники, – планета представляла собой отнюдь не лесопарк, как виделось с орбиты, а единый научно-испытательный комплекс, где проходили обкатку новые образцы вооружений.

Встречавший новобранцев капитан дождался, пока нестройная толпа подравняется, и перестанет гомонить: от обшивки челноков исходил жар, в постепенно наступившей тишине слышалось потрескивание остывающих бронеплит, ключья утреннего тумана выдавливали из небольшой низины, образованной сетью дренажных канав на краю стартопосадочного поля, оранжевые лучи Юны озаряли верхушки деревьев неестественными для жителей Земли призрачно пламенеющими оттенками ядовитого багрянца, – все это, складываясь вместе, создавало неповторимое впечатление, заставившее вновьприбывших притихнуть.

Капитан терпеливо ждал, зная, что воздействие Юноны угомонит молодежь лучше всяких окриков. Жители земных мегаполисов, никогда не видевшие открытых пространств, беспечные, неорганизованные, еще не осознающие до конца, куда и зачем их привезли, действительно притихли, их взгляды, впитавшие новую реальность, невольно обратили внимание на стоявшего особняком офицера.

– Мальчики и девочки. – Тихо, даже вкрадчиво начал говорить он, заставив смолкнуть последние голоса. – Я знаю, что лишь немногие из вас прибыли сюда по своей воле, записавшись добровольцами на мобилизационных пунктах. Впрочем, теперь уже не важно, какие желания, мотивы, убеждения или их отсутствие заставили вас скрываться от мобилизации или добровольно прийти в пункт вербовки. Оглянитесь вокруг и осознайте тот факт, что находитесь на иной планете, вне привычной обстановки. Я не стану орать на вас, обзывать недоносками, и обещать сделать из каждого крутого солдата. Кто насмотрелся скверных фильмов, может забыть о ложных впечатлениях. Отныне вы – пилоты серв-машин. Первый шаг с трапа челнока стал шагом от безалаберной гражданской жизни в войну.

Обратной дороги нет. Никто не станет унижать или пытаться сломать вас, чтобы превратить из толпы в «настоящих солдат». Там, куда вы отправитесь, выживает только сильнейший и искуснейший. Просто забудьте все, что было в прошлом. Отныне каждый из вас – личность. Личность пилота. Только индивидуальные качества определяют в первом же бою, кому выжить, а кому умереть. Запомните мои слова, – те, кому повезет, будут потом часто вспоминать их. Пилот серв-машины – прежде всего – индивидуальность, ибо в руках каждого из вас будет сосредоточена техногенная мощь, способная уничтожить любое препятствие на пути. Понятия

⁴ Новая Земля – первая из внесистемных колоний Человечества. В период войны входила в состав Линии Хаммера. Научные исследования, проводившиеся на Новой Земле, были направлены на разработку генетически измененных форм растений и микроорганизмов.

дружбы в условиях современной войны зачастую теряют свой смысл. Просто рядом может не оказаться ни одно живого боевого товарища, – только машины.

Поэтому каждый должен научиться быть лидером, повторяю – неважно, кем вы были вчера.

А теперь – он повернулся, – следуйте за мной.

* * *

– Чокнутый какой-то. Наверное, контуженный на всю голову. – Вызывающе пробурчал молодой афроамериканец. – Что думаешь? – Обратился он к шагавшему рядом сухощавому подростку европейской наружности, – как тебя зовут?

– Антон. – Коротко ответил тот.

– А я Саймон. Саймон Грин. – Он чуть сбавил шаг, подстраиваясь под походку Антона. – Давай держаться вместе.

– Давай. – Охотно ответил Антон.

– Слушай, а как тебя загребли?

– Просто. Всех нас привезли сюда по одной причине. – Верхолин шел, глядя себе под ноги, будто на гладких плитах космодрома могло попасться какое-то неожиданное препятствие. – Бесплатные уличные кабины виртуальной реальности.

– Подумаешь, кабины!.. – Фыркнул Саймон. – Я каждый день проводил в них по много часов. И что?

– Так подумай. Симулятором чего они являлись?

Саймон поджал пухлые губы.

– Думаешь? – Недоверчиво переспросил он. – Конечно игры в войну – здорово, особенно когда заняться вообще нечем. Не до такой же степени!

– Именно до такой. – Ответил ему Верхолин.

Саймон притих, невольно втянув голову в плечи, став на пару сантиметров ниже ростом.

Нет, он не трусил, чувство проходило на ином уровне восприятия: вдруг стало ясно, что слова встретившего их офицера не пустые штампованные формулировки.

Блин, он ведь говорил с нами, как с равными. – Невольно подумалось Саймону. – Неужели Антон прав и на поверхность странного, чуть жутковатого мира его, как и остальных, привело суммарное количество баллов, полученных при использовании виртуального симулятора серв-машины?!

Саймон конечно теоретически признавал: поднявшись в рубку «Хоплита» или «Фалангера» он не раскроет рот от удивления, но шагавший неподалеку офицер похоже был уверен, что каждый из них способен на большее...

Он покосился на Антона, но обсуждать с новым товарищем внезапные перспективы почему-то расхотелось. Посмотрим... Посмотрим зачем на самом деле нас притащили сюда...

* * *

У Человечества, по крайней мере в той его части, что развязала войну в космосе, дважды появлялся реальный шанс остановить боевые действия, но его ни разу не использовали.

Почему? Почему не смотря на огромные цифры потерь, война, замерев на миг в мертвой точке, не затухала, а напротив вспыхивала новым, яростным и непримиримым накалом боев?

Говорят, уже спустя пять лет после завершения блокады Дабога войну со стороны Альянса вели в основном машины, и данный фактор все сильнее раскручивал маховик противостояния, не давая ему остановиться.

Общепризнанная ложь.

Войну начинали и закончили люди⁵, а машины еще на протяжении тысячелетий хранили верность несуществующим силам, а если говорить просто и прямо – оставались заложниками созданных людьми программ.

18 июля 2624 года.

**Борт крейсера «Апостол» – флагмана
седьмого ударного флота Земного Альянса.**

Адмирал Купанов удобно расположился в кресле, и сидел сознательно полуприкрыв глаза, отдавшись власти виртуальной реальности.

Экстренное совещание только что началось, обмен данными между флагманскими единицами семи ударных флотов осуществлялся на основе плавающих каналов гиперсферных частот⁶, что исключало возможность прослушивания.

Шел пятнадцатый год Галактической войны.

Силы Земного Альянса, так и не сумев овладеть территориями развитых планет-колоний, оказались втянуты в борьбу с противником, чья материально-техническая база уже не уступала формированиям прародины Человечества.

– Господа, я должен начать наше совещание с прискорбной вести: Джон Уинстон Хаммер скончался сегодня утром.

Высшие офицеры флота молча встали.

На лицах непроницаемое выражение: ни скорби, ни радости, ни ошеломления. Все приглашенные на совещание имели тысячи причин ненавидеть и бояться человека, развязавшего войну, но каждый держал мысли под жестким контролем волевого рассудка.

– Прошу садиться. – Выдержав паузу, произнес адмирал Нагумо. Он почти не изменился за полтора десятилетия боевых действий и выглядел все так же: сухощавый старик с морщинистым лицом и ясным, пронзительным взглядом.

– В связи с кончиной Джона Хаммера, я приступил к исполнению обязанностей Главы Всемирного Правительства и Верховного Главнокомандующего.

Слова Нагумо не встретили ропота, ответом послужила тяжелая, осязаемая тишина. Подобный исход кулуарной борьбы последних лет виделся вполне очевидным, Александр Нагумо командовал объединенным генеральным штабом флотов уже более десяти лет, и ни у кого из присутствующих адмиралов не возникало мысли о правомочности подобного заявления.

Они, не сговариваясь, молчали, ожидая, что же будет дальше?

Со смертью Джона Хаммера наступила отрешенная, выжидательная пауза, все понимали: сейчас можно остановить войну, вступить в переговоры со Свободными Колониями, ибо скончался человек, который личным волевым решением положил начало боевым действиям.

Все понимали, но семь адмиралов, командующих отдельными формированиями ВКС Альянса, молчали, каждый что-то выжидал, вынашивал в душе некие планы, вот и Купанов, к примеру, даже не помыслил о том, чтобы поднять вопрос прекращения боевых действий.

⁵ Войну начали и завершили люди – эта фраза тесно связана с действительными событиями конца Первой Галактической. Войну остановил адмирал Табанов, командовавший объединенными силами космического флота Альянса. Подробнее о тех событиях в романе «Омикрон».

⁶ Канал гиперсферной частоты – способ внепространственной связи использующий линии напряженности аномалии космоса.

Он смотрел на Нагумо и думал, подмечая мельчайшие детали в облике человека, чья слава была столь же велика, сколь и зловеща: а ведь он долго не удержится у власти. Постарел, сдал, да и врагов у него достаточно. Что же станет, когда свершится очередной переворот?

Семь флотов, семь адмиралов. Альянсу реально грозил распад...

Его мысли нарушил голос Нагумо:

– Каждый из вас сегодня получит развернутый план действий флота на ближайшую перспективу. Мы кардинально меняем стратегию. Переходим к широкому пространственному охвату скопления Центральных Миров, с целью блокады стратегических гиперсферных трасс, захвата удаленных, еще не втянутых в войну колоний эпохи Великого Исхода.

Маховик войны, застывший на миг в мертвой точке, скрипнув, вновь начал свое движение, под ледяное молчание власть предержащих.

Никто из собравшихся не попытался оспорить слова Нагумо, что-то возразить или предложить, тем более, что адмиралам, командовавшим флотами, переговоры с Колониями сулили разве что скорую отставку.

Каждый думал о себе и никто – о Человечестве.

– Разрешите вопрос, господин адмирал? – Сломал тягостное ощущение конформизма молодой, дерзкий голос.

– Да, слушаю. – Нагумо даже не повернул головы, он и так знал, кто осмелился отпустить реплику.

Со своего места поднялся командующий пятым флотом, самый молодой из плеяды высших офицеров новой волны – некто Табанов, – темная лошадка, по мнению большинства.

– Наличие проработанного плана подразумевает, что его готовил сам Джон Хаммер?

– Вопрос провокационный, но я отвечаю: идея принадлежит мне. – Ответил Нагумо, все же одарив Табанова неприветливым взглядом. – Еще в начале войны стало ясно: позволяя колониям вести разведку за пределами «освоенного космоса» мы совершаем ошибку, упуская стратегическую инициативу. Создание сети военных баз и планетных опорных пунктов, которые замкнут Центральные Миры в своеобразную «сферу», позволит сформировать в границах освоенного космоса «зону отчуждения», которая не даст сопротивляющимся колониям наращивать свою мощь за счет ресурсов удаленных звездных систем, – вот верная стратегия на перспективу и одновременно – главная тактическая задача текущего момента. В предстоящей широкомасштабной операции у каждого из флотов будет свое специфическое задание.

Купанов слушал Нагумо, не пытаясь вмешаться. Лишние вопросы заданные сейчас, несомненно аукнутся в последствии. Память у Нагумо крепкая. Павел Петрович являлся не только опытным адмиралом, но и прожженным политиком. Он начал карьеру, командуя артиллерийской палубой крейсера «Эммануил», принимавшего участие в атаке системы Дабог, дослужился до звания командующего флотом и прекрасно понимал: за общими фразами Нагумо действительно кроется новая стратегия боевых действий в космосе. Способность анализировать ситуацию, воспринимать не только высказанные вслух мысли, но и их подтекст, не раз помогали ему в трудных ситуациях постоянной кулуарной борьбы за власть.

Вот и сейчас он интуитивно понял, – Нагумо не просто так обозначил новую стратегию, – он устранял угрозу, перемещал флоты, намеренно разделяя их, давая каждому адмиралу свою задачу и определенный сектор космического пространства. Старик не желал терять власти, либо устраняться от дел. Но что произойдет, когда его не станет?

Он пытается увидеть лидера среди нас. Человека, способного занять высокий пост, удержать Альянс от дробления.

Слова Нагумо действительно прозвучали для большинства присутствующих, будто отмашка на старт в короткой, но яростной гонке за первенство, по результатам которой Нагумо

без сомнения объявит имя своего преемника, а сам уйдет в тень, под гарантии личной неприкосновенности.

Что ж... Посмотрим, какую задачу он поставил седьмому флоту. – Подумал адмирал. Он уже не сомневался, что кроме общих целей войны в каждом из заданий скрывается некий шанс, либо подвох. Нагумо желал увидеть – кто из адмиралов поймет его намек, сумеет не только достичь намеченной цели, но и вырвать для себя некое неоспоримое преимущество.

Совещание продолжалось, но Купанов слушал дальнейшие доклады без особого внимания. Главное он уже выделил, и теперь ему не терпелось просмотреть файлы с конкретной задачей флоту.

Он принял условия игры, предложенные верховным главнокомандующим, и не собирался упускать открывшего ему шанса стать первым среди равных.

* * *

Крейсер «Апостол». Двенадцать часов спустя.

На следующий день уже адмирал Купанов собрал совещание высших офицеров флота.

Он не ошибся в интуитивном предвидении ситуации, но доводить подобные мысли до офицерского состава не собирался. Адмирал оставался себе на уме, рисуя варианты развития событий на ближайшую перспективу.

– Итак, господа, новая стратегия озвучена. – Обратился он к притихшей в ожидании аудитории.

Купанов мысленным приказом включил систему голографического вывода данных. Посреди обширного помещения появилось объемное изображение космического пространства. Многие звезды были помечены различными маркерами, условными знаками, по взаимному расположению которых, их наличию, либо отсутствию приглашенные офицеры получали наглядное представление о современном положении дел на фронтах Галактической войны.

Пять звездных систем, где планетные цивилизации колонистов еще до начала вторжения со стороны прародины Человечества сумели (после четырехсотлетней изоляции) вторично выйти в космос, окружали плотные скопления различных обозначений. Здесь присутствовали маркеры пространственных минных полей, дрейфующих в космосе форпостов, – чем ближе к системе звезды, тем плотнее сходились условные знаки, образуя структуру глобальной противокосмической обороны.

Однако основные боевые действия последних лет велись уже не в системах Центральных Миров – отчаянные и кровопролитные схватки происходили на удалении в пять-семь, а то и все десять световых лет от постепенно набирающих мощь колоний.

В звездных системах, где велись упорные бои, как правило, не существовало обитаемых планет, либо они были уничтожены в ходе отчаянного противостояния.

Чем же обуславливалось значение пустынных и безжизненных уголков космоса? Быть может ресурсами?

На заданный вопрос исчерпывающе отвечала только теория гиперсферы – аномалии пространства-времени, через которую перемещались космические корабли.

Силы двух звездных союзов сходились в ожесточенных схватках за контроль над так называемыми «точками промежуточного всплытия», а если выражаться проще: за системы, откуда возможен прыжок к Центральным Мирам.

Пока что закрепиться, организовать мощный заслон, блокирующий саму вероятность перехода вражеских эскадр на новую горизонталь гиперсферы⁷ не удавалось ни одной из сторон.

В результате создалась патовая, безвыходная ситуация: военно-космические силы Альянса не имели возможности наносить прямые удары по планетам противника, а Флот Свободных Колоний, по сути, находился взаперти – любой маневр, ведущий в обход упомянутых систем, уводил корабли в зону неисследованного космоса, а в условиях, когда гиперсферная навигация только зарождалась, делала первые робкие шаги в деле изучения свойств аномалии, подобные подвижки сил флота граничили с авантюрой.

Требовались годы на разведку и освоение новых гиперсферных трасс, прокладку маршрутов в обход систем, где обе враждующие стороны погубили немало жизней и техники.

Таким образом, план адмирала Нагумо не прочил быстрого окончания войны, напротив освоение периферии, организация военных баз во всех без исключения системах, обнаруженных в зоне неисследованного космоса, затягивало войну на неопределенный срок, но при умелом подходе и достаточном количестве сил гарантировало Альянсу победу в перспективе.

Купанов позволил собравшимся офицерам проникнуться идеей новой стратегии, а затем, посчитав, что времени на осмысление пространственной схемы достаточно, перешел к сути конкретной текущей задачи, поставленной перед силами седьмого ударного флота.

В стороне от театров военных действий появилось еще два маркера.

– Как вы видите перед нами базы космического флота Свободных Колоний, господа. Разведке генерального штаба удалось обнаружить не только места их дислокации, но и выяснить назначение, а так же приблизительную структуру объектов. Итак, в нашем случае речь пойдет о системе звезды МР-5608, которая имеет шесть планет. Кислородосодержащей атмосферой обладает четвертый спутник звезды, там по сведениям разведки создана мощная инфраструктура баз РТВ⁸, куда на протяжении последних лет вывозилась вся техника Альянса, захваченная Флотом Колоний в ходе боевых действий. Планета представляет угрозу не только из-за хорошо организованной, глубоко эшелонированной планетарной и противокосмической обороны, – во-первых, система звезды рассматривается командованием, как один из важных стратегических «узлов» гиперсферной сети, и, во-вторых, на базах РТВ проводятся интенсивные исследования трофейных серв-машин, а на полигонах отрабатываются приемы борьбы с нашей планетарной техникой, и проходят испытания новые комплексы вооружений.

– Задача, поставленная перед флотом – совершить гиперпространственный переход по координатам звезды МР-5608, прорвать оборону противника, и захватить планету.

Адмирал Купанов сделал паузу, наблюдая за реакцией командиров кораблей и штабных офицеров флота.

– У нас недостаточно сил для крупномасштабных боевых действий на поверхности планеты. – В ответ на выжидающий взгляд адмирала произнес начальник штаба флота. – Десантные подразделения укомплектованы личным составом едва ли на треть.

Большая тема, затронутая так некстати, не вызвала недовольства со стороны командующего флотом.

Действительно война сжирала все больше и больше людей, – словосочетание «человеческий ресурс» хоть и крутилось на языке, но мало кто в последние годы решался произнести

⁷ Горизонталь гиперсферы – линия напряженности аномалии космоса отражающая гравитационную взаимосвязь между звездой и ближайшим соседним светилом. От одной звездной системы может вести несколько десятков горизонтальных линий напряженности в зависимости от количества звезд, расположенных в радиусе сферы в десять световых лет. Для достижения звездных систем, расположенных на удалении более десяти световых лет, необходимо менять навигационную линию напряженности гиперсферы.

⁸ РТВ – Робототехническое вооружение.

его вслух – статистика потерь угрожающе росла, и многим из старших офицеров было ясно – еще пара лет такой войны и...

– Командование знает о существующих проблемах. Они решаются вполне успешно. От удручающей статистики жертв мы вскоре перейдем к подсчету потерь среди машин. – Адмирал намеренно выделил интонацией последнее слово. – Новая концепция ведения боевых действий предполагает использование полностью автоматизированных серв-соединений, которым в качестве поддержки будут приданы андройды технической и пехотной модификаций. Но прежде чем новейшие образцы техники начнут поступать в войска, необходимо уничтожить исследовательские базы противника. Нехватку личного состава мы восполним непосредственно во время штурма планеты, – на базах РТВ содержатся сотни наших пленных «пилотов», их освобождение и немедленное включение в боевые действия – вот первейшая задача десанта. Ее выполнение обеспечит специально подготовленная диверсионная группа. Наши силы овладеют одним из ключевых объектов, откуда освобожденные пилоты будут доставлены к ангарам серв-машин.

– Не понимаю, господин адмирал, о каких пилотах идет речь? И почему их содержат на планете рядом с базами РТВ? – Спросил полковник Иверзев, под началом которого находились все десантные подразделения флота.

– Об этом мы поговорим во второй части совещания. – Ответил Купанов. – Наземная операция спланирована в объединенном штабе флотов. Для ее проведения нам присылают пополнение – один серв-батальон, полностью укомплектованный новейшей техникой и пилотами. Наша задача – прорвать космическую оборону, обеспечив штурмовым носителям безопасные коридоры сближения с планетой. Вот над этим мы и станем думать.

* * *

Юнона. Сектор лабораторий «Гамма»...

Главный конструктор модулей «Одиночка» Говард Фарагней, пребывав в тот день не в лучшем расположении духа. Жизнь, казавшая еще в недалеком прошлом совершенно понятной, неожиданно дала трещину. Он стал замечать, что в недрах бункерной зоны штат персонала из числа людей постепенно замещают машины, – исследования продолжались полным ходом, но Фарагней, обычно не требовательный к условиям проживания, всецело поглощенный работой, начал страдать от одиночества.

В последнее время он редко покидал прохладные глубины секретной бункерной зоны, но сегодня ему вдруг захотелось сделать глоток настоящего утреннего воздуха, отвлечься от технических заданий, оглядеться, понять, что же на самом деле происходит с окружающим миром, и насколько глобальны вкравшиеся перемены?

Для руководителя его ранга на Юноне не существовало запретов или ограничений.

Поднявшись на скоростном лифте с четырехкилометровой глубины Фарагней, миновав стартовые площадки, предназначенные для «Нибелунгов»⁹, прошел через контрольно-про-

⁹ Штурмовой носитель «Нибелунг» Длина сто десять метров. Запуск с борта крупных единиц флота (фрегатов, крейсеров) осуществляется исключительно через вакуум-доки. Предназначены для доставки на поверхность планет, технического обеспечения и поддержки огнем серв-соединений. Вооружение: Ракетно-лазерные комплексы, плазмогенераторы, штурмовые ракетные батареи (нижняя полусфера), отсеки сброса кассетных бомб. Кибернетическая система распределенная, с дублированием управляющих модулей автоматического огня, навигации, автопилотирования. Оснащены системой сброса фантом-генераторов. Гиперпривод перезаряжаемый, с системой ГЧ-связи. Сканирующие комплексы среднего радиуса действия с датчиками проникающего излучения (сканирование бункерных зон). Штатный экипаж 4 человека или андройды с интегрированными модулями «Одиночка». Бронирование тяжелое многослойное, с включением эмиттеров суспензорного поля в структуру бро-

пускной пункт и неторопливым шагом направился к ближайшему лесному массиву, благо маскирующие посадки начинались почти сразу за периметром посадочных площадок.

Он рассчитывал побыть один, позволив себе на некоторое время стать самым собой, вспомнить, что над головой бывает чистое, лазурное небо, а запах хвои, – это не только экстракт, заправленный в систему насильственной вентиляции и кондиционирования воздуха.

Однако не стоило забывать, что на Юноне каждый квадратный метр площади суши отдан жестокому служению богу войны. Под сенью генетически модифицированных сосен, вырастающих на десятиметровую высоту всего за один год, проходили дороги, располагались различные постройки, казармы, технические боксы, площадки для построений техники и личного состава формируемых на Юноне подразделений.

На одном из таких плацев он заметил нестройную толпу новобранцев, перед которыми с краткой речью выступал знакомый майор, возглавляющий отдел по работе с личным составом при учебном центре, где тренировали будущих пилотов серв-машин.

Прогуливаясь по усыпанной хвоей дорожке, Говард невольно прислушивался к словам, смотрел на лица юношей и девушек, и постепенно ему становилось не по себе: если пару лет назад стать пилотом серв-машины могли только зрелые мужчины и женщины, как правило, уже побывавшие в боях, узнавшие настоящую цену жизни и смерти, и что немаловажно – сделавшие сознательный выбор, – то есть изъявившие желание перевестись в серв-соединения, то что случилось теперь?

Почему он видит на Юноне столь молодые лица?

Им не воевать, – только вступать в жизнь, влюбляться... – растерянно подумал Фарагней. – Может ошибка, какая? И призваны они в технические службы, к примеру? Тогда при чем тут майор Херпак?

Пока он размышлял, прервав свою прогулку, короткий инструктаж новобранцев завершился и те нестройной толпой потянулись, скупно переговариваясь между собой, к приземистым, надежно спрятанным под пологом маскирующих лесопосадок¹⁰ зданиям казарм.

Не выдержав, Говард окрикнул майора, хотя между ними никогда не существовало дружеских, приятельских отношений, скорее наоборот, по непонятной причине Херпак таил на Фарагнея злобу, которая, впрочем, не выходила за рамки субординации и выражалась лишь в колючих взглядах.

– Джон, можно тебя на минуту?

Майор остановился, затем, присмотревшись и узнав Фарагнея, нахмурился.

– Слушаю вас, господин полковник, – подчеркнуто сухо и официально откликнулся он.

– Скажи, – Говард проигнорировал его тон, – как большинство ученых он мало обращал внимания на звания, субординацию и прочее... – Скажи, Джон, почему к нам прислали молодежь?

Лицо Херпака помрачнело еще больше. Казалось, он с трудом сдерживает рвущуюся наружу ярость.

– Пятнадцатый год войны. – Скупно и все еще сдержанно ответил он. – Если бы вы чаще поднимались на поверхность то, наверное, знали бы истинное положение дел. Призывной ценз вот уже два года как снижен до пятнадцати лет.

– Помилуй Бог... – Вырвалось у Фарагнея. – Они же еще дети!

– Простите, господин полковник, и это говорите мне вы?

– Не понимаю. А в чем дело? И вообще Херпак, за что вы меня тихо ненавидите?

неплит. Внутреннее деление на отсеки, разделяемые аварийными переборками. Дополнительные двигатели планетарной тяги с изменяемым вектором.

¹⁰ Маскирующие лесопосадки – специально выведенные сорта растений с повышенным содержанием металлов в древесине, во время войны использовались в качестве маскирующего прикрытия, затрудняющего работу сканирующих систем противника.

– За ваши изобретения, сэр. Вы подарили миру систему «Одиночка», вы создали «Фалангеров» и «Хоплитов», вы и только вы повинны в том, что на всех уровнях мегаполисов Земли вот уже несколько лет стоят бесплатные кабины виртуальной реальности, где есть только одно развлечение – вождение серв-машины, с использованием модуля прямого нейросенсорного контакта! – Глаза майора вдруг налились кровью. Сколько «ускоренных выпусков» он провел за последние два года? Двадцать? Тридцать? А сколько из его бывших подопечных сейчас живы?

Он ненавидел Фарагнея, ненавидел ученых, войну, самого себя, за то, что продолжает готовить все новых и новых смертников...

– Но... – Говард растерялся... – Но они же не пилоты! Да не смотрите на меня так майор! Я не убийца детей!

Однако Херпак уже перешагнул грань зреющего в душе безумия.

– Вы убийца Фарагней! – Хрипло выплеснул он в лицо полковника страшное обвинение. – А они, – он обернулся, указав резким жестом руки на удаляющихся новобранцев, – они уже пилоты, стараниями проклятых уличных автоматов!

– Не я их создал... – почему-то оправдываясь, произнес Говард, невольно отступив на шаг. – Я... Я никогда бы не пожелал смерти...

– Замолчи!.. – Яростно выдохнул Херпак, уже напрочь забыв о субординации, перейдя на «ты», и окончательно потеряв контроль над собственными эмоциями. – Вспомни модуль «ALONE»¹¹, или первые версии системы «CLIMENS». Подумай, скольких детей на разных планетах убили серв-машины под руководством тупых, умеющих лишь уничтожать и видящих только конечную цель «Одиночек», пока вы там в своих бункерных зонах изобретали хоть что-то, отличающее ребенка от вооруженного противника!..

На бледных щеках Фарагнея появились пунцовые пятна.

Ему нечего было возразить на обвинения, звучащие из уст майора.

Бесполезно оправдываться, говорить, что на момент создания «Одиночек» первых серий он являлся всего лишь рядовым сотрудником секретных лабораторий базы «Гамма».

Теперь он стал главным конструктором, и его имя будет навек проклято, неразрывно связано самой губительной в истории человечества войной и самыми разрушительными из существовавших когда-либо планетарных машин.

Херпак резко развернулся и зашагал к казармам, а Фарагней все стоял и смотрел ему вслед, не в силах сдвинуться с места.

Я проклят... – Внезапно подумал он.

¹¹ ALONE – Буквальный перевод «в одиночестве» (интеранглийский). Кодовое название модуля независимого поведения. Использовался не только в киберсистеме серв-машин, но и в других видах боевой техники. Более распространенное название, ставшее общеупотребимым – «Одиночка». Непосредственно модуль «ALONE» модернизировался на протяжении пяти лет Галактической войны, первые варианты пакета программ независимого поведения фактически являлись комплексом боевого автоматического пилотирования. В результате усовершенствований модуль «ALONE» получил искусственные нейросети. Эксплуатировался наравне с иными модификациями до окончания боевых действий. Модули искусственного интеллекта серии «CLIMENS» и «BEATRIS» послужили дальнейшим развитием «Одиночек». Существовало пятнадцать модификаций «CLIMENS» и четыре модификации «BEATRIS». Позже уже в период Конфедерации солнц на базе модуля «BEATRIS» создавались новые модели искусственных интеллектов для управления серв-машинами. Вне зависимости от конкретной модели и даты выпуска модули независимого поведения в просторечье принято обозначать термином «Одиночка».

* * *

Юнона. Комплекс секретных лабораторий «Гамма».

После неудавшейся прогулки на свежем воздухе Говард Фарагней пребывал в скверном расположении духа.

Ему давно перестало нравиться то, чем занимался подчиненный ему сверхсекретный исследовательский комплекс, но даже теперь со смертью «идеолога войны» ныне покойного Главы Всемирного Правительства, президента Земного Альянса и верховного главнокомандующего Джона Уинстона Хаммера, раскрученный маховик противостояния Земли и Колоний продолжал вращаться, хуже того он набирал обороты, вовлекая в смертельную схватку все новые планеты, – если у войны вообще существуют «рамки разумного», то за них вышли, причем давно, а теперь с его помощью и при непосредственном участии, высший генералитет Альянса, собирается сделать очередной шаг по направлению к пропасти, на дне которой вскоре будут покоиться останки всего Человечества, без разделения на Землю и Колонии.

Безумие войны поразило рассудки, отравило их многолетним противостоянием, – для одних вселенская бойня стала смыслом жизни, у других не хватало смелости противостоять диким замыслам, третьи просто дрожали за свою шкуру, четвертым стало все равно – их души и разум пожрала война.

А что делать мне? – Спрашивал себя Фарагней, размышляя над очередным техническим заданием, полученным из объединенного штаба флота.

Оправдаться перед самим собой – дело нехитрое. Во-первых, ему отдан четкий, недвусмысленный приказ, неисполнение которого грозит смертью. Во-вторых, автоматические системы с элементами искусственного интеллекта начали применять не сегодня и не вчера – еще на заре космической эры, за двести лет до начала Великого Исхода кибернетическим системам вложили в руки оружие.

Сейчас уже не имело смысла копаться в архивах, выясняя какое из земных государств первым перешагнуло роковую черту, строя свою военную политику на принципе «цель оправдывает средства ее достижения».

Что толку искать оправдания в истории начала двадцать первого века, когда им – Говардом Фарагнеем, пятнадцать лет назад был создан программный пакет «Одиночка», первая версия которого получила кодовое название «ALONE»?

Он создал кибернетического монстра, а военные лишь выпустили его на волю.

Пакет программ независимого поведения для принципиально-новых видов боевой планетарной техники, созданных по аналогии с шагающими сервомеханизмами планеты Дабог, дал старт его головокружительной карьере и... обрек на варварское разрушение десятки колонизированных миров.

Серв-машина – сложнейший, уникальный по своей мощи и гибкости комплекс, Говард лучше других знал, что созданные при его активном участии планетарные сервомеханизмы просто не с чем сравнивать. Ни человек, ни предшествующие типы планетарной техники не способны противостоять боевому шагающему сервомеханизму, в конструкции которого воплотился опыт техногенных войн в сочетании с опорно-двигательными системами, позаимствованными у самой природы, отшлифованными до полного совершенства миллиардами лет эволюции.

Полтора десятилетия назад, после неожиданного и болезненного поражения в системе Дабога, когда захлебнулась в крови идея быстрой победоносной войны против строптивых колоний, их – талантливых инженеров и кибернетиков, собрали вместе, здесь на Юноне в

бункерных зонах сверхсекретного научно-промышленного комплекса, и продемонстрировали образцы серв-машин, разработанных конструкторами Альянса.

Поначалу предъявленные конструкции показались Дэйвиду нежизнеспособными – слишком сложными они выглядели – одной кинематики, основанной на сервоприводах, было столько, что голова шла кругом. Однако, никто не спрашивал их мнения относительно созданных военно-промышленным комплексом Альянса испытательных образцов. Всех прибывших на базу «Гамма» разделили на группы, перед каждой была поставлена вполне конкретная техническая задача: одним поручалось написать программы для сотен автономных подсистем, приводящих в движение механическое исчадие высоких технологий, другим – обеспечить самостабилизацию механизма в различных условиях рельефа, третьим – разработать программные модули управления вооружением.

Группе Говарда Фарагnea досталась самая сложная задача: создать пакет программ независимого поведения, для управления сложнейшим кибернетическим комплексом. Не автопилот, а боевой программный модуль, который примет на себя функции пилота. Говоря проще: им предлагалось создать модель искусственного рассудка, способного не только руководить множеством подсистем, но и вырабатывать в ходе боя нестандартные тактические решения, накапливать опыт, и в дальнейшем применять его на практике.

Сроки исполнения задания были смехотворно-малы, – всего три месяца, но в распоряжение Говарда и его коллег отдали все мыслимые и немыслимые ресурсы, перед ними сняли гриф «секретно» с множества разработок, сделанных их предшественниками, – несомненно, талантливыми кибернетиками и программистами, создававшими различные модули из потребности к реализации своего интеллектуального потенциала.

В ставшем уже далеким декабре 2609 года, Говард с головой погрузился в техническую проблему, он жил на стимуляторах, работая по двадцать часов в сутки, задача казалась захватывающе-интересной, о практическом применении создаваемого «Одиночки» если и думалось, то как-то вскользь.

Группа Фарагnea написала модуль «ALONE» за два с половиной месяца.

Полигонные испытания первого полноценного боевого модуля искусственного интеллекта прошли успешно – небольшие дефекты устранялись буквально «на ходу», и уже к весне 2610 первые «Одиночки» поступили в войска.

Пред мощью, маневренностью, проходимостью, живучестью и запасом автономии серв-машины иные виды наступательной планетарной техники выглядели хрупкими детскими игрушками и, тем не менее, система «ALONE» получила нелестные отзывы.

Боевые качества машины не подвергались критике, шквал замечаний обрушился на главенствующую систему управления. Действия первых образцов «Одиночки» оказались слишком прямолинейны, предсказуемы, и в схватках с перевооруженными сервоприводными аграриями Дабога, которыми управляли потомственные пилоты из числа колонистов, использовавшими систему стопроцентного нейросенсорного контакта с машиной, «Одиночки», созданные группой Фарагnea, терпели одно поражение за другим.

Миг триумфа сменился воистину адским напряжением нового витка «интеллектуальной гонки вооружений».

Однако Говард стал одним из немногих, кто понимал – да, пусть девяносто процентов «Одиночек» терпели поражение в первом бою, но опыт не приходит сам по себе и оставшиеся десять процентов вполне годились для дальнейшей эксплуатации, среди машин начался самый настоящий естественный отбор, и в конечном итоге один из сотни модулей «ALONE» обретал тот самый пресловутый и бесценный боевой опыт, позволявший ему сражаться с машинами противника, управляемыми людьми, практически на равных.

Естественно подобная «арифметика» совершенно не устраивала командование. Мало того, что провалились планы быстрого и бескровного захвата колоний, – Флот Альянса царил

в космосе, но ни одной победной высадки на поверхность колонизированных планет так и не произошло, к тому же цена серв-машин выражалась в астрономических цифрах, и каждый уничтоженный «Фалангер» либо «Хоплит» наносил серьезный урон экономике Альянса.

В ту пору Говарду Фарагнею действительно было не до этических рассуждений.

Он работал, как проклятый, но с каждым днем чувствовал, что все дальше заходит в тупик. Кибернетическую систему необходимо обучать долго и тщательно, в ее состав входят искусственные нейросети, которые невозможно запрограммировать, но времени на учебный процесс (в условиях полигона требовалось около года, чтобы оснащенный искусственными нейросетями модернизированный «ALONE» накопил достаточно опыта) ему попросту не давали.

На Говарда давили. Давили жестко, и он начал опасаться за собственную жизнь. В дополнение ко всем обрушившимся на него бедам, в объединенном штабе флота все сильнее разгоралась кулуарная борьба между адмиралами Александром Нагумо и Тиберием Надыровым. В схватке за власть они использовали в том числе и фактор неудачного боевого применения дорогостоящих серв-машин.

Говард был близок к нервному срыву. Он сутками не вылезал из лабораторий, пытаясь самостоятельно обучить злополучный боевой модуль.

Но как он мог передать искусственным нейросетям «Одиночки» необходимые навыки ведения боя, если, даже применяя методику обучения через прямое нейросенсорное соединение между рассудком человека и обучаемой машиной (такое соединение осуществлялось с использованием стандартного импланта, вживляемого каждому гражданину Альянса еще при рождении), он лично не обладал даже зачатками необходимого боевого опыта?

Именно тогда в период отчаянья и страха, Говарду пришла в голову спасительная мысль – да он не обладает боевым опытом, но есть ведь и другие люди – настоящие, профессиональные бойцы, которым есть что передать способным к обучению искусственным нейросетям машины!..

Командование требовало от него немедленного, положительного результата, и тогда Говард предложил новый подход, очередную, в корне отличающуюся от других модернизацию: в рубке серв-машины должен появиться пилот, который станет управлять боевым механизмом через шунт нейросенсорного контакта. В результате решались сразу две проблемы, – машины выходили в свой первый бой под управлением человека, уже в процессе боевых действий обучаясь уникальной гибкости мышления... и сохраняли накопленный опыт даже в случае гибели пилота.

Идею подхватили буквально «на лету». Учитывая, что практика управления сервомеханизмами через прямое соединение рассудка оператора с исполнительными системами машины, была широко известна и надежно отработана (такой способ управления применялся, как в горнопроходческих работах, так и во многих космических и глубоководных операциях) в модуль «Одиночки» интегрировали систему распознавания мысленных команд, что избавляло пилота от необходимости привыкать к неудобному сенсорному костюму, который не всегда адекватно передавал сигналы от человеческих мышц к исполнительным сервосистемам.

Первая группа пилотов начал практические занятия в августе 2610 года.

Параллельно с полигонными испытаниями модернизированного модуля «ALONE», Фарагней приступил к разработке следующей версии «Одиночки» получившей кодовое название «CLIMENS».

Одного не учел Говард, интегрируя в модуль «Одиночки» интерфейс мысленных команд – степень обратной связи боевой кибернетической системы с разумом человека оказалась в десятки раз выше, чем у гражданских аналогов управляемой мысленными приказами техники.

Очередные поправки к основному техническому заданию содержали требования о том, чтобы пилот не только ощущал сервоприводы, как части собственного тела, что, несомненно,

повышало эффективность управления, но и получал слабые болевые ощущения при попаданиях в машину, обучая искусственный разум инстинкту самосохранения. Однако новая глубина ощущений и скрытый до сих пор потенциал взаимосвязи между искусственными нейросетями и рассудком пилота привели к неожиданным результатам: система «Одиночка» уже не ограничивалась восприятием мысленных команд, она получала свой эквивалент боли, в ход пошли чувства человека, а значит системой распознавались не только командные, но и все эмоционально окрашенные мысли.

Таким образом, получалось что «Одиночка» фактически сканировала разум человека, воспринимая массу сопутствующей информации.

В начале войны, когда количество нейросетевых модулей в кристаллосхеме «Одиночки» исчислялось десятками, сопутствующая информация, получаемая из разума человека, как правило, отфильтровывалась, так как она не подпадала под критерии аккумуляции боевого опыта, но с дальнейшим развитием системы, когда число нейросетевых чипов в схеме кристалломодуля перевалило за сотню, «Одиночки» новых поколений начали демонстрировать признаки характера.

Настоящее потрясение Говард Фарагней испытал, получив первый отчет с театров боевых действий после начала массовых испытаний нового поколения боевых машин.

«Одиночки» превзошли все самые смелые ожидания.

Нужно понять ужас внезапно прозревшего «творца», когда Говард читал скупые строки отчетов, информирующие о том, что после получения повреждений, в результате которых погибал пилот, серв-машина продолжала действовать так, будто в рубке по-прежнему находился человек!

При этом эффективность боевого сервомеханизма не падала, напротив, не связанный ограничениями по поддержанию жизни пилота, модуль «Одиночки» начинал действовать более эффективно.

Анализ вернувшихся в лаборатории кристалломодулей открыл ужаснувшие и потрясшие Говарда до глубин души факты: «Одиночка» запоминала последнюю информацию, полученную из разума пилота, заполняя ей все свободные на момент гибели человека нейрочипы, – таким образом, в искусственном сознании оставался отпечаток личности человека, наложенный на травматические ощущения смерти, – вот почему серв-машины, пережившие гибель своего пилота, действовали с необъяснимой поначалу целеустремленной яростью.

Ситуация по самым осторожным оценкам оказалась далеко за гранью разумного риска, но Фарагней уже ничего не мог поделать, – он оказался творцом искусственных интеллектов, которые получали весь негативный опыт войны, их формирующееся в процессе боев самосознание зачастую оживало именно в момент смерти пилота, начиная осознавать факт собственного существования, так словно погибший рассудок материализовывался на искусственных носителях...

Все уродливые гримасы войны – ярость, отчаянье, ненависть, страх, выплескиваясь в бою, навек оставались в искусственном сознании «Одиночки».

Сейчас, полтора десятилетия лет спустя, Говард Фарагней уже руководил секретным комплексом «Гамма», он разработал новый модуль независимого поведения, назвав его женским именем «Беатрис».

Фарагней давно пережил неизбежный в его положении период отчаянья, страха, запоздалых моральных мук, – в горниле испытаний постепенно выковывался характер, он сумел открыть глаза и взглянуть на действительность без ложных оправданий, призванных успокоить собственную совесть.

Противостояние людей постепенно, но неотвратимо превращалась в борьбу машин, на полях сражений с обеих сторон царили роботизированные комплексы, единственным смыслом

бытия которых являлась война до победного конца, который не отрицал полного уничтожения Человечества.

Говард стал замкнут и неразговорчив. Его сознание хранило тайны, известные только ему. Работающие в лабораториях «Гаммы» специалисты в угоду повышенной секретности занимались теперь лишь узкими, профильными работами, Фарагней подозревал, что он единственный, кто хранит в рассудке всю информацию по модулям «Одиночка», – только он знал, как создать программно-аппаратный модуль нового поколения.

Казалось бы – зачем?

Покончив со страхом, взглянув в глаза правде, Говард полностью отдавал себе отчет, что никто из ныне живущих не остановит раскрученный маховик вселенской бойни.

Он решил сделать хоть что-то, способное предотвратить гибель цивилизации, – а именно: дать машинам, уничтожающим друг друга, понятие о других целях и ценностях, но как он собирался осуществить задуманное?

Его личным искуплением стало создание «BEATRIS».

Говард не сомневался – новый модуль примут на вооружение. Он лично сделает все, чтобы «BEATRIS» поступила в войска, пройдя все мыслимые тесты и испытания.

Он заложил в схему «Одиночки» мину замедленного действия, увеличив количество нейрочипов до двух с половиной тысяч.

Теперь модуль искусственного интеллекта, находясь на постоянной связи с разумом пилота, не будет терять информацию, полученную из человеческого рассудка. Говард был хорошо осведомлен о настроениях, царящих среди офицеров Альянса. Все больше людей осознавало бессмысленность межзвездной бойни, в душах росло неприятие ситуации в целом, – именно такие противоречия хотел посеять Говард Фарагней в искусственных душах «Одиночек», дав им шанс впитать человеческие мысли, быть инфицированными сомнениями относительно целесообразности войны, как способа решения накопившихся проблем.

Он еще не знал, к чему приведет подобный шаг, но надеялся, отчаянно надеялся, что такой подход сумеет изменить хоть что-то...

Мотивы Фарагней были просты.

Говард понимал: один из вероятных исходов Галактической войны сулил гибель цивилизации. Ему ли не знать, что в аду техногенного противостояния зачастую выживали лишь машины?

Однако он лично не мог остановить войну. Ненависть сторон, закаленная в ее горниле, оказалась так велика, что ни у политиков, ни у солдат не возникало даже мысли о возможном перемирии, поиске компромиссов. Новые поколения, рожденные уже во время войны, были воспитаны отнюдь не пропагандой, – они являлись детьми разрушенных городов, сожженных планет, им незачем было прививать непримиримость к противнику, – ее и так хватало в избытке.

Война незаметно, крадучись перешагнула роковую черту.

Говард не видел в современности силы, способной остановить кровавое безумие межзвездного конфликта, но, прозрев, он задался целью ее создать. Фарагней поклялся себе, что станет совершенствовать «Одиночек», незаметно, исподволь выпуская на конвейеры заводов военно-промышленного комплекса Альянса модули искусственного интеллекта, способные принять на свои носители не только боевой опыт пилота, но и душу человека.

Возможно, они остановят войну, осознав, что межпланетная бойня ведет только к взаимному истреблению, и ничему более...

Нет, того, что я сделал мало. Мало и поздно... – Нервно думал он, расхаживая по тесному помещению своего рабочего кабинета.

Он сейчас не думал ни над «спасением души», ни над вопросами «очистки совести».

Каждый из нас однажды начинает прозревать, глядя на окружающую действительность иными глазами.

Одни раньше, другие позже, но лучше ведь поздно, чем никогда?

* * *

Юнона. Двое суток спустя...

Появление Говарда Фарагней на испытательном полигоне «Гамма-4» вызвало легкий переполох со стороны людей. Машины остались безучастны к визиту, отметив лишь, что в первый раз полигон посещает должностное лицо с высшим приоритетом допуска.

День обещал стать необычным. Говард и сам удивился, заметив на парковочной площадке у административного здания личный флайбот командующего седьмым ударным флотом адмирала Купанова.

Заочно они знали друг друга, но вот сталкиваться лицом к лицу пришлось впервые.

Обменявшись рукопожатием оба отвели взгляд, будто и адмиралу и полковнику было, что скрывать в этот день.

– Новые машины? – Осведомился Купанов, указав на стройные ряды «Хоплитов» и «Фалангеров», готовых к испытаниям в условиях полигона. Рядом с исполинскими серв-машинами фигурки пилотов казались едва ли не букашками.

– Не только. – Спокойно ответил Фарагней. Он не собирался открывать адмиралу истинной цели своего визита на полигон, и полуправда тут как раз годилась:

– Не только машины, но и новая модель «Одиночки».

– Теперь понятно. – Кивнул адмирал, как-то сразу успокоившись. – Я наблюдаю. Мешать не стану, мне любопытно увидеть возможности модернизированных машин.

Фарагней кивнул, подумав: «Не за техникой ты прилетел адмирал».

Впрочем, вслух он ничего комментировать не стал, легко пересек линию ограждения, и направился напрямик к строю пилотов – тех самых юношей и девушек, что несколько дней назад нестройным шагом входили в казарму.

Инструктировавший их капитан говорил отрывисто, но не грубо:

– ...думаю за три дня, проведенные на Юноне, вы поняли, что настала взрослая жизнь. Учить вас нечему, вы все прошли предварительный отбор, по результатам соревнований в виртуальной реальности. Многие из вас, возможно, не подозревают, что потенциально могут поучить вождению серв-машин бывалых пилотов. Это факт. Так что ничего нового. Тот же самый нейросенсорный контакт, те же ощущения полного слияния с механизмом, за исключением одного существенного дополнения, – теперь модули «Одиночка», установленные на ваших машинах, обретут функцию обратной связи с пилотом, и это...

– Это вопрос доверия. – Произнес Фарагней, отстранив рукой оторопевшего капитана.

Воцарилась неловкая тишина. Главного конструктора «Одиночек» знали в лицо лишь единицы из числа людей с высшим приоритетом допуска к секретным данным, но Фарагней сам нарушил инструкции.

Остановившись перед строем, он негромко, но внятно произнес:

– Я один из тех, кто создал не только сами машины, но и модуль «Одиночки» серии «Беатрис-4». Послушайте меня внимательно и постарайтесь запомнить: «Беатрис-4» уже не набор программ независимого поведения. «Одиночка» данной модели – полноценный искусственный интеллект. Но, как должно быть известно, подобную систему невозможно запрограммировать. Она способна лишь обучаться. Поэтому я повторяюсь – новым для вас станет вопрос взаимного доверия между существующим на носителях машины искусственным разумом и

рассудком пилота. Если вы не будете доверять друг другу, станете делить полномочия или хуже того – игнорировать друг друга – вам не выжить в пространстве современного боя.

Кто-то из вас сейчас спросит: зачем нужен искусственный интеллект при живом пилоте и на что «Одиночке» сдался пилот? Правильно?

Ответом ему послужила тишина.

– Вы еще не успели задать себе подобных вопросов, понимаю. Но они неизбежно возникнут, прямо здесь на полигоне во время испытаний.

Фарагней откашлялся и продолжил:

– Скажу вам правду: «Беатрис-4» создана для того, чтобы учиться не только приемам ведения боя, но и другим человеческим качествам. Командование не желает, чтобы война перешла в стадию, когда с обеих сторон друг против друга будут сражаться машины, не имеющие ни капли человеческого. – Он лгал, но ложь во спасение звучала легко, ведь если разобратся он излагал застывшим в строю ребятам правду – свою правду, понятую не вчера, открывшуюся не с резкими словами майора Херпака, правду, выстраданную в глухой тиши бункерных зон, и воплощенную в схемах «Беатрис». Ложь во спасение этих ребят. Если они поверят, не станут отвергать «Одиночку», выпячивая собственное «Я», то выживут, обязательно выживут, ибо возможности боевой связи, где киберсистема дополняет человеческий рассудок, фактически безграничны.

Фарагней говорил легко, хотя понимал, не все поверят и многим не суждено вернуться из боев, но каким бы ни был исход войны, модули искусственного интеллекта сохраняют частичку их сознания, души, мыслей...

Потом ему стало тяжело. Тяжело и больно, потому что полуправда на самом деле не спасала их жизни, а лишь оттягивала момент смерти.

Говард понял это, увлекшись перечислением тех множественных угроз, что таит в себе пространство высокотехнологичного боя.

Это ад... – стучалось в сознании. – Зачем я пришел сюда? Чтобы убедить их, что через ад можно пройти? Какой же я дурак...

Однако сказанного уже не вернешь. Скомкав последние фразы, он отошел в сторону, жестом позволив капитану продолжать, но тот лишь махнул рукой: по машинам, считая, что главный конструктор высказался лучше и понятнее, чем смог бы он сам.

Адмирал Купанов не слышал его речи. Он с нетерпением ждал начала боевых испытаний, желая лично оценить действия пилотов, которых ему рекомендовали, как лучших, – пусть не имеющих реального боевого опыта, но лучших по результатам тестирования. Соперничать с ними могли лишь единицы из прошедших суровую школу боев, действительных пилотов серв-машин.

Купанову нужны были не просто асы, а лучшие из лучших. Об одном умалчивал адмирал – о степени риска предстоящего задания, для которого он собирался отобрать сегодня два десятка вчерашних мальчишек.

* * *

Ребята, поднимавшиеся в тот момент по приставным лесенкам, к шлюзам серв-машин, совершенно не думали о войне и смерти.

Вчерашние жители опустевших мегаполисов Земли, в меру бесшабашные, в меру рискованные, не знавшие еще настоящих трудностей, они смотрели на жизнь иначе, чем адмирал или главный конструктор.

Детство и юность для них закончились давно, когда не стало родителей, когда начали пустеть города, и мир показался серым, мрачным, лишенным всякого смысла.

Никто из них не получал похоронок. Считалось, что родители живы, они где-то там, в чернильной бездне космоса, поглотившей почти все население Солнечной системы.

Степень доверия... пространство техногенного боя... – да по фигу им были все сторонние, не очень-то понятные рассуждения, когда прямое нейросенсорное соединение с виртуальной реальностью, имитирующей те самые планеты, за которые возможно сейчас дрались их родители, являлось единственным видом соревновательного драйва, доступного развлечения, убивающего скуку и время.

Что они распинаются в самом-то деле? Если путь к лучшей жизни лежит через рубку серв-машины, кто бы спорил – пожалуйста.

Мысли Саймона были в чем-то созвучны мыслям остальных.

Он пока что не видел существенных отличий костюма виртуальной реальности от боевого скафандра, по крайней мере, ощущения те же, вот только процесс «загрузки» у них тут на полигонах слишком долгий, достало уже ждать.

Он сел в кресло пилот-ложемента, привычно проверил, надежно ли застегнулись замки страховочных ремней (биться лицом о стену кабины виртуальной реальности при имитации резких смен направления движения ему определенно не нравилось) и включил передатчики импланта.

Доброе утро пилот. Все системы функционируют в заданных параметрах. Зона эффективного сканирования чиста.

Голос, возникший в рассудке, явно принадлежал женщине, воображение Саймона даже успело смутно и соблазнительно очертить контуры ее фигуры, прежде чем разум отреагировал машинальной мысленной фразой:

Ты кто? Та самая «Беатрис»?

Да, я система искусственного интеллекта «Беатрис-4». Если ты выскажешь предпочтение, могу изменить тональность голоса. Кстати, имя ты волен придумать сам.

Клево. Вот чего, пожалуй, не хватало в симуляторе серв-машины – электронной подруги.

Я не подруга. Боевой товарищ.

Саймон усмехнулся.

Ты не мужчина, а я не женщина? Где-то он уже слышал похожую фразу. Ну, посмотрим. Конечно вопрос «взаимного доверия», наверное, подразумевает тесную духовную близость...

Я читаю мысли, пилот. Ты можешь ограничить поток воспринимаемых мною данных только восприятием непосредственных команд.

Нет. Нормально и так. Денек сегодня обещает быть жарким...

Температура за бортом – восемнадцать градусов Цельсия.

У, как все запущено... – Подумал Саймон. – Ты, моя «боевая подруга» запомни, – хочешь со мной дружить – учи сленг.

– Я обязательно загружу специализированные словари при первой же возможности. – Ответил мягкий бестелесный голос.

А волосы у нее наверняка рыжие, – подумал Саймон, начиная движение к первой контрольной точке.

Ни он, ни Верхолин, с которым Грин успел сдружиться за последние дни, еще не подозревали, что в эти минуты в их жизни происходит самый главный выбор.

Но делали его не они, а адмирал Купанов.

Глава 2

Планета Юнона. Учебно-информационный центр ВКС Альянса

Им всем дали сутки на отдых, затем в торжественной, даже можно сказать помпезной обстановке, никак не соответствующей трауру, объявленному в связи с кончиной Джона Хаммера, новобранцам присвоили звания лейтенантов.

Утром следующего дня новоиспеченных офицеров, сразу после завтрака попросили пройти в лекторий.

– Перед вами, господа, наш новый козырь в борьбе за планетарную твердь.

Тускло вспыхнул голографический экран, продемонстрировав модель космического корабля.

– Штурмовой носитель нового поколения – «Нибелунг 12МТ». – Сообщила аудиосистема лектория. Модель корабля стала увеличиваться, демонстрируя крупным планом отдельные узлы и агрегаты. – При модификации базовой модели учтен десятилетний опыт боевых действий. – Продолжал пояснять бестелесный голос. – Обратите внимание на двигатели планетарной тяги с изменяемым вектором. В конструкции их крепления использованы вращающиеся ложементы, что позволяет кораблю не только свободно маневрировать в атмосфере, но и задействовать функцию «автозависания» над определенной точкой поверхности. Усиленное вооружение нижней полусферы, в частности две дополнительные ракетные батареи и установки плазмогенераторов обеспечивают предварительную зачистку зон высадки от средств наземной и противокосмической обороны противника. Так же изменены принципы боевого десантирования серв-соединения. Если в прошлом выход серв-машин осуществлялся только с использованием аппарелей, после посадки носителя на планету, то теперь каждая машина помещается в отдельный контейнер с собственным броневым покрытием и системой посадочных двигателей, – то есть отстрел боксов с техникой серв-соединения возможен еще в воздухе, при этом штурмовой носитель продолжает прикрывать огнем десантированное подразделение, что существенно снижает процент потерь.

Слушая приятный женский голос, лейтенант Саймон все более мрачнел.

Он пытался представить, каково будет падать с километровой высоты в бронированном металлопластиковом гробу, под огнем наземных батарей?

От картин, что рисовало воображение, захотелось выругаться вслух, но он все же сдержался.

– Каждый автономный посадочный контейнер одноразовый, внутри оборудован системой амортизационной фиксации машины, в комплектацию посадочного бокса входит один автономный сервомеханизм технической поддержки, кроме того, в изолированной камере, в верхней части контейнера под защитой дополнительной брони смонтировано резервное хранилище боезапаса. В случае уничтожения штурмового носителя серв-машины получают возможность двух автономных перезарядок бортового боекомплекта.

– Вот блин утешила, тварь... – Прошипел кто-то из задних рядов.

Кибернетическая система лектория проигнорировала замечание.

* * *

12 августа 2624 года.

Группа капитана Тавгалова.

Борт флагманского крейсера «Апостол».

На постановку боевой задачи отводилось всего десять минут незадолго до старта.

Бойцы в бронескафандрах выстроились вдоль флюоресцирующей линии – накопитель внутреннего космодрома крейсера напоминал сейчас потревоженный муравейник: повсюду сновали люди и машины, титанические механизмы перемещали стартовые плиты, на которых застыли штурмовые носители нового поколения, к шахтам электромагнитных катапульти подавали истребители и штурмовики, то и дело раздавались громкие, шипящие звуки, исходящие от многотонных герметизирующихся затворов, – крейсер готовился к бою.

Примерно такая же картина царила сейчас на палубах и в отсеках других, менее крупных единиц флота. Конвойные¹² и ракетные носители¹³, грозные фрегаты и юркие штурмовые корветы¹⁴ готовились к схватке, но первыми на острие удара седьмого флота сегодня пойдут

¹² Конвойные носители – длина до 1 километра. Предназначены для доставки, и технической поддержки истребителей и штурмовиков, запуск которых осуществляется с внутренних космодромов, через стволы электромагнитных катапульти. Прием малых кораблей осуществляется через вакуум-доки. Конвойный носитель может поддерживать до пятидесяти малых кораблей. Вооружение – Орудийно-ракетные зенитные комплексы, генераторы короткоживущей плазмы, возможна установка лазеров для создания сетки заградительного огня. Деление на палубы: Пусковая, техническая, жилая, командная, хранилище боекомплекта. Конвойный носитель оснащен разветвленной системой транспортировки малых кораблей от вакуум-доков через секции технической палубы (ремонт, смена боекомплектов) к внутреннему космодрому. Кибернетическая система палубная, с распределением модулей по сети, двойным дублированием. Отдельная узкоспециализированная кибернетическая система, отвечающая за техническое обслуживание и перезарядку малых кораблей. Штатный экипаж до 20 человек. С пилотами малых кораблей – 70 человек. Может функционировать в полном автоматическом режиме (управление малыми кораблями – модули «Одиночка»). Гиперпривод перезаряжаемый. Система ГЧ связи, система лазерной связи, специализированная система управления и координации для групп истребителей и штурмовиков. Сканирующие комплексы среднего радиуса действия. Бронирование среднее, корпус двойной. Хранилище боекомплекта оснащено третьим корпусом. Лишены возможности самостоятельного входа в атмосферу.

¹³ Ракетные носители. Длина до 700 метров. Предназначены для нанесения массированных ракетных ударов по крупным кораблям флота противника, планетарным базам, орбитальным станциям. Оснащены тяжелыми ракетами дальнего радиуса действия и средними ракетами со средним радиусом. Возможен единовременный запуск от 50 до 100 ракет разного калибра. Деление на палубы, главная ракетная, малая ракетная, хранилище боекомплекта, техническая, двигательная, командная. Сканирующие комплексы среднего радиуса действия. Кибернетическая система палубная независимая, распределенная по сети в рамках отдельных палуб. Гиперпривод перезаряжаемый, с резервом энергии, установкой ГЧ-связи. Экипаж 1-20 человек в автоматическом режиме, 50 человек при проводке корабля на ручном управлении, и (или) командные модули «Одиночка» – по одному на каждую палубу. Высокоэффективная система управления огнем, повышенная живучесть, низкая маневренность, два режима работы маршевых двигателей – боевой (медленное продвижение с возможностью маневрирования и ведением залпового огня) и крейсерский (уход от противника на высокой скорости с ограниченным маневрированием). Бронирование тяжелое, корпус двойной с системами эмиттеров суспензорного поля. Хранилище боекомплекта оснащено третьим корпусом. Лишены возможности самостоятельного входа в атмосферу. Для посадки на планеты используются технические носители.

¹⁴ Корветы. Предназначены для защиты ядра флота от атак истребителей и штурмовиков противника, разминирования пространственных минных полей, ведения активной разведки на коротких дистанциях, установки заградительного огня. Длина до 500 метров. Бортовое вооружение: Комплексы «Ураган», генераторы короткоживущей плазмы, зенитные ракеты, лазерные батареи ПВО. Кибернетическая система распределена по сети с функцией автономии палуб. Модули автоматического управления огнем, навигации автопилотирования, автоматы самоподдержания и ремонта. Сканирующие комплексы дальнего радиуса действия. Гиперпривод с резервом питания (заряженные накопители), позволяющий совершать серии прыжков. Установки ГЧ-

смехотворные (с точки зрения масштабных космических столкновений) силы: один десантный модуль¹⁵ в сопровождении семи штурмовых носителей класса «Нибелунг».

Их задачей являлась скрытая высадка на планету, защищенную тремя эшелонами противокосмической обороны.

Поначалу, когда Андрею Тавгалову сообщили детали предстоящей операции, он честно подумал: не сошло ли с ума командование флота?.. но потом, когда он нашел в себе смелость высказать вслух сомнение, реакция на дерзкие слова со стороны начальника штаба внезапно оказалась сдержанной, едва ли не отечески-мягкой:

– Капитан, вы ошибаетесь, полагая, что полный серв-батальон, и спецподразделение космодесанта пошлют на заведомую смерть. Я сейчас не рассматриваю действительно опасную и рискованную фазу планетарной операции, там на самом деле придется туго, и все будет зависеть только от профессионализма бойцов и вас в частности, но что касается проникновения через системы обнаружения противокосмической обороны противника, – волноваться не о чем. Вы десантируетесь на борту принципиально новых космических аппаратов, оснащенных устройствами фантом-генераторов¹⁶ последнего поколения. Комплекс «Мираж» обеспечит бескровную высадку.

Андрей лишь пожал плечами в ответ. В «бескровные» высадки десанта на поверхность хорошо защищенной планеты он не верил.

– Техника не стоит на месте, капитан. – Уже назидательным тоном произнес начальник штаба флота. – Я не уполномочен раскрывать особенностей конструкции прибора, но, если это вас успокоит, – он прошел полный комплекс испытаний в самых жестких условиях, и показал свою полную функциональность. – Размытые фразы не успокоили Тавгалова, хотя он понимал: никакой конкретики не будет. Во-первых, командиру разведывательно-диверсионной группы не положено знать конструктивных особенностей или принципов действия секретного оборудования – слишком велик был риск попасть в плен и оказаться на допросе, под воздействием препаратов, которым человек не сможет сопротивляться. Во-вторых, он вряд ли что-то поймет...

– Наземная часть операции в своей начальной стадии полностью зависит от действий вашей группы, капитан. – Продолжал информировать его начальник штаба. – По нашим расчетам после десантирования вы окажетесь в глубоком тылу противника на территории одной из трех крупнейших баз РТВ. Фактор внезапности будет на вашей стороне первые несколько минут. Под прикрытием фантом-генераторов штурмовые носители осуществят атмосферное

связи. Штатный экипаж 10 человек. Возможность передачи управления подсистемами модулям кибернетической системы или «Одиночкам». Бронирование двухслойное, с применением эмиттеров суспензорного поля (держат пробойны до полуметра), антисканирующее покрытие «Хамелеон». Дополнительные двигатели планетарной тяги, позволяющие осуществлять посадку на планеты.

¹⁵ Десантно-штурмовой модуль (ДШМ) Длина 40 метров. Предназначены для доставки десантных подразделений или автоматических штурмовых ботов к крупнотоннажным космическим целям и высадки десанта на поверхность планет. Вооружение: электромагнитные и лазерные орудия (последние используются для резки брони вражеских космических объектов в районе предполагаемого десантирования). Некоторые модели оснащены генераторами короткоживущей плазмы. Штатный экипаж – 2 человека (с возможностью применения управляющего модуля «Одиночка»). Оснащены системой насильственной стыковки и удержания, системой отстрела десантных капсул (через стволы электромагнитных катапульти расположенных по бортам). Ги-перпривод перезаряжаемый, с системой накопителей энергии. Бронирование двойное, титано-керамлитовое. Между корпусами расположены эмиттеры суспензорного поля, автоматически перекрывающие мелкие пробойны в корпусе без эффекта декомпрессии. Комплекуются специальными отделяемыми контейнерами для сброса планетарной техники (боевых машин космодесанта).

¹⁶ Фантом-генератор – устройство имитации оптической иллюзии и ложной сигнатуры, используется так же для постановки маскирующих полей. Понятие «сигнатура» подразумевает любое сконфигурированное энергетическое поле (чаще сумму различных полей) которое может быть сопоставлено с излучающим энергию материальным объектом. В военной и гражданской системах идентификации существует понятие «карта сигнатур» – тут подразумеваются характерные заранее известные распределения энергий, соответствующие работе вполне определенных механизмов или их комплексов. Примером сложной комплексной сигнатуры может быть характерное распределение энергий, излучаемое космическим кораблем при работе бортовых систем.

маневрирование и высадку машин серв-батальона, которые свяжут боем охранение противника, в то время как вашей группе предстоит проникнуть в недра бункерной зоны, и освободить содержащихся там пленных пилотов.

– Допустим, нам удалось. – Произнес Тавгалов. – Что дальше?

– Вместе с освобожденными пилотами вы поднимаетесь к поверхности. Спасенных необходимо доставить к ангарам серв-машин, где находится предназначенная для полигонных испытаний трофейная техника Альянса. По данным разведки большинство трофейных машин находятся в удовлетворительном состоянии, поэтому следующей фазой операции станет удержание периметра базы РТВ, пока сервомеханизмы технической поддержки, высаженные с борта «Нибелунгов» не осуществят экспресс-подготовку техники. После завершения минимально необходимых операций технического регламента реактивированные машины пополнят состав серв-батальона. Удерживая периметр базы РТВ, вы оттянете на себя внимание противника, заставите его осуществить подвижку боевой техники, ослабляя защиту иных объектов.

– Поддержка с орбиты? – Сухо спросил Тавгалов.

– Ударные силы флота покинут гиперсферу только после захвата базы РТВ и реактивации трофейной техники. Большого вам знать не нужно, капитан. Задача поставлена сложная, но выполнимая.

– Командир серв-батальона осведомлен о целях моей группы?

– Нет. У него приказ – удерживать периметр базы РТВ. Лишняя информация перед высадкой может только навредить. Надежда на вас, капитан. Отработаете, как положено, и противнику придется сдать планету.

* * *

Дрожь...

Она била по мышцам, – действие боевых стимуляторов накладывалось на нервное напряжение перед высадкой, – адский коктейль, который спустя минуты выльется в ощущения неповторимого драйва, когда разум становится холодным, ясным и спокойным, а тело, кажется, переполнено энергией...

Тавгалов коротко приказал:

– Занять места в десантном модуле. Парно – вперед!

Открывающаяся рампа, как пасть мифического монстра, распахнулась навстречу, глотая фигурки людей в боевых скафандрах...

Дрожь...

Ровная ритмика тактовой работы активаторов исполинских ступоходов серв-машины...

Возбуждение человеческих мышц не передается на сервомоторы, а вот внутренне состояние пилота чувствует «Одиночка».

– Антон?

Мягкий женский голос. Говорят, он сближает пилота и искусственный интеллект.

«Беатрис-4». Технологический прорыв в вопросах создания искусственного разума. Уже никто не говорит «пакет программ независимого поведения». Беатрис – нечто большее. Антон пока еще не решил кто она – его ангел хранитель, или демон, затаившийся в ожидании смерти пилота?

Ты неправильно оцениваешь меня. Мыслишь стереотипно...

А как мне мыслить в преддверии первого боя? Почему в рискованный прорыв бросили именно их батальон, на две трети укомплектованный пилотами-новичками, едва прошедшими подготовку на Юноне?

Мы смертники? Нас не жалко? Не хотят терять опытных пилотов?

Мысли хоть и справедливы с точки зрения субъективной оценки ситуации, но на самом деле он не прав.

Они – наиболее опытные пилоты. Скажет кто посторонний – не очень-то и поверишь, но во всем виноваты те самые бесплатные кабины виртуальной реальности, щедро расставленные по всем уровням Земного мегагорода. Никто из подростков никогда не задумывался, сколько часов, в итоге складывающихся в дни, месяцы, годы суммированного времени они провели в прямом нейросенсорном контакте с точными виртуальными копиями настоящих серв-машин?

Виртуалка – лучшее средство от скуки, а когда набор симуляторов невелик, и для «Игры» требуется непременно нейросенсорное соединение разума и машины, что получается в итоге, на выходе, к моменту совершеннолетия?

Новое поколение, выросшее в условиях войны, пыталось уйти от скуки, подрастающему разуму интересно соревноваться, особенно, когда смерть ненатуральна – она лишь «вылет» из игры.

Игры в войну, которая внезапно обернулась реальностью, дикой, необузданной, где техногенный ад существует в действительности и права на перезагрузку уже не будет.

«Фалангер» Верхолина, сотрясая мерной поступью плиты предстартового накопителя, свернул к застывшему в центре разметочного круга «Нибелунгу».

Штурмовой носитель ждал, возвышаясь глыбой брони, в нижней части корпуса открыты аппарели индивидуальных посадочных модулей.

Все будет хорошо, Антон. – Голос действительно успокаивал, хотелось верить ему, верить своим навыкам, ощущать каждой клеточкой тела ту мощь, что полностью подчинялась изъявлениям его воли.

«Фалангер» вошел внутрь отделяемого посадочного модуля, развернулся, присел, чуть согнув ступоходы, и многочисленные фермы амортизационного каркаса начали смыкаться, закрепляя многотонную серв-машину.

Последней пришла в движение бронированная плита аппарели.

Отсекая свет и суету предстартового накопителя, она закрывалась, словно...

Неуместные аналогии, Антон.

Согласен... Только помолчи пока, ладно?

Дрожь не отпускала.

За минуты до начала высадки, вдруг приходит запоздалое, но верное понимание действительности.

Как будто открыл глаза после бурной вечеринки, и увидел иной мир, не тот скучный, радостный пятнами легкого дурманящего забытья ночных клубов, не виртуальные схватки, где так не хватает адреналина, драйва, – ведь любая компьютерная симуляция реальности неизбежно имеет тенденцию к повторяемости событий и действий, быстро проходит оглушающая новизна ощущений, и настает обычная скука.

Потому и к войне у их поколения выработалось свое ложное и легкое отношение.

Если симуляторы, в которые они гоняли по десять-двенадцать часов в сутки, забывая про еду и сон, казались увлекательной забавой, не наскучивая окончательно лишь из-за изобретательности самих «пилотов», научившихся усложнять задачи (например, договариваясь об ограничениях на тяжелые типы вооружений, или вообще, выходя на дуэль, с двумя снарядами на оба орудия), то адреналин уже не вырабатывался в ходе самых напряженных и изощренных схваток.

Высадка еще не началась, а Саймон уже по горло был сыт стрессовыми ощущениями.

Особенно остро они нахлынули когда «Нибелунг» оторвался от стартовой плиты внутреннего космодрома крейсера и начал выходить в открытый космос.

На миг пришел даже не холодок, пробежавший по внутренностям, а настоящая невесомость, затем корабль ощутимо тряхнуло и началось долгое ускорение.

Саймон закрыл глаза, пытаясь представить себя в уютной, знакомой, пропахшей потом кабинке виртуальной реальности.

Ничего подобного. Не выходило. Волнами возвращалась дрожь, смена векторов тяги при маневрировании и глухая, ритмичная россыпь вибраций от работы пусковых ракетных комплексов и батарей вакуумных орудий доносили до рассудка истинное положение дел: штурмовой носитель прорывался через планетарную оборону противника, все происходило по-настоящему, но организм реагировал на знакомые (по воздействиям костюма виртуальной реальности) ощущения совершенно иначе.

Ты один Саймон. Совершенно один. Вот сейчас через пару секунд посадочный контейнер отстрелит от штурмового носителя, и ты начнешь падать с неведомой высоты в сухую неизвестность, – прав был тот странноватый мужик на полигоне, – перезагрузок не будет, и вслед, еще острее, пронзительнее начали приходить иные мысли, которыми (Саймон был уверен) никто и никогда не задавался ранее.

Где их родители?

Почему им лгали, говоря, что они сейчас осваивают мифические колонии? Если так, то почему забыли о собственных детях, не напишут им, не скинут весточки по сети, не пришлют стереоснимка?

Правда стучалась в рассудок, будто сняли шторы с глаз или сдернули пелену тотальной пропаганды.

Они мертвы. Их сожрала война.

Теперь твой черед Саймон.

Бог ты мой, надо же – придумывали для себя сложности, выводя «Фалангеров» на «смертельную дуэль» с одним или двумя снарядами в стволе... Придурки...

«Нибелунг» вошел в плотные слои атмосферы, плавные ускорения космического маневрирования сменились тряской, орудийно-ракетные комплексы работали по незримым для Саймона целям, уже не перерываясь ни на секунду, пока батареи одной полусферы перезаряжались, огонь вели другие, и даже «закаленному» виртуалкой, повидавшему всякое сознанию Грина сейчас было трудно представить, что на самом деле твориться в зоне посадки.

Укол в шею заставил его вздрогнуть.

– Ты перевозбужден. Введен боевой метаболический препарат.

– Привет рыжеволосая... Ты почему молчала?

– Ты ни о чем меня не спрашивал.

– Но ты ведь читаешь мысли?

– Да.

Вопрос взаимного доверия... Скажет тоже мужик... А кому мне теперь доверять, как не ей?

Отстрел.

Злобные предупреждающие, огни, динамический удар, затем мгновенья невесомости в свободном падении и вдруг – жесткая перегрузка при включении собственных двигателей посадочного модуля.

Началось.

Теперь по-настоящему началось...

* * *

Борт крейсера «Апостол»

На боевом мостике крейсера в эти минуты царило не меньшее моральное напряжение, чем в мыслях бойцов ударной группы.

Все детали предстоящей операции просчитаны до мелочей, сотни раз проанализированы людьми и кибернетическими системами, но все равно в нюансах дерзкого плана присутствовал ряд «если», способный свести к нулевому результату всю предварительную подготовку.

В бой шла новая техника, еще ни разу не выходившая за рамки полигонов.

Ей управляли самые опытные и самые бесшабашные пилоты, которым предстояло первое свидание с настоящей смертью.

Очень много зависело от них – молодых ребят, чья подготовка превосходила навыки любого из самых известных асов, но вот выдержат ли они моральный прессинг настоящей схватки?

Над этим работали лучшие военные психологи. Из двухсот кандидатов отобрали всего двадцать, каждым подразделением руководил офицер со стажем боев, новейшие системы «Беатрис-4» имели в своем распоряжении кроме прочего модуль психологической адаптации – они искали в рассудке пилота точки морального соприкосновения, фактически играли на полученных из сознания человека сокровенных образах.

Никто из собравшихся на боевом мостике «Апостола» высших офицеров седьмого ударного флота так и не задал себе главного вопроса: ради чего? Во имя каких высших целей души и жизни вчерашних подростков будут спустя минуты брошены в ад?

Каждый думал о частностях предстоящей операции и никто – о войне.

Адмирал Купанов смотрел на тактический монитор, спроецированный над ровной плоскостью тактического комплекса.

Планета.

Орбиты, расположение единиц флота противника, прикрывающего бывшую колонию Великого Исхода, вторично открытую уже в ходе боевых действий и преобразованную в огромный полигон.

Здесь ковалось оружие возмездия, на поверхности затерянного мира изучались особенности поведения трофейных модулей искусственного интеллекта, в глубинах бункерных зон специализированные кибернетические комплексы разрабатывали эффективные методы борьбы с серв-машинами, являющимися главной ударной силой Альянса.

Исследования нужно прекратить, планету зачистить, и в дальнейшем не позволять колониям организовывать подобные исследовательско-экспериментальные базы.

Но как выполнить поставленную перед флотом задачу, когда планету от удара из космоса прикрывает флагманский крейсер Свободных Колоний, несущий на борту аннигиляционную установку «Свет»?

Он превратит в излучение любую армаду, как только корабли Альянса начнут обратный переход из пространства гиперсферы в трехмерный космос.

Тяжелую единицу нужно нейтрализовать, поставить крейсер Колоний в условия, когда применение аннигиляционной установки станет невозможно.

План адмирала Купанова строился на знании особенностей вооружения крейсеров противника. Нужно создать на поверхности планеты такой очаг угрозы, который командование силами планетарной обороны не сможет проигнорировать, довести ситуации до той степени

угрозы, когда ковровые бомбардировки с низких орбит станут единственным шансом остановить распространение наземного вторжения.

Как только крейсер противника выйдет к планете, между ним и внезапно появившимся флотом Альянса окажутся многочисленные малые корабли и станции противокосмической обороны, базирующиеся на высоких орбитах.

В таких условиях применение установки «Свет» станет невозможным, а крейсер – уязвим для атаки армады штурмовиков и истребителей.

* * *

Система Анкор.

12 августа 2624 года.

7 часов утра...

Первое в истории войны боевое применение комплекса фантом-генераторов класса «Мираж» готовилось тщательно и основывалось на многих научных открытиях.

Новый комплекс «Мираж» работал на принципе имитации сигнатур. Еще в период Великого Исхода для разведки планет создавалось множество разнообразных приборов и датчиков, способных выяснить структуру объектов, не приближаясь к ним вплотную для снятия проб. Позже подобные разработки получили развитие в создании боевых сканирующих комплексов класса «Аметист», работающих не только с физической структурой объектов, но и с излучаемой энергией. Нетрудно понять, что любой космический корабль или машина наземного базирования, равно как и структуры скрытых под землей объектов, потребляют энергию, вырабатывают избыточное тепло, различные устройства, особенно силовые установки, кибернетические и энергетические цепи, в процессе функционирования неизбежно выдают так называемое «паразитическое излучение», которое не всегда удается надежно экранировать.

БСК «Аметист» в различных модификациях состоящий на вооружении у обеих противоборствующих сторон, работал в первую очередь с картами распределения энергий (так называемыми «сигнатурами»), уникальными для каждого искусственно созданного объекта, а уже во вторую очередь – с его визуальным изображением.

Разведка Альянса установила, что в систему Анкор периодически прибывают конвои транспортных кораблей, доставляющих на поверхность планеты образцы трофейных серв-машин.

Фантом-генераторы «Нибелунгов», предназначенных для дерзкого прорыва планетарной обороны, настраивались таким образом, чтобы детально имитировать сигнатуры транспортных кораблей.

Операция осуществлялась в два этапа. Сначала конвой настоящих транспортов подвергся атаке десантно-штурмовых модулей непосредственно в пространстве гиперсферы, что само по себе являлось неслыханным для тех времен маневром, затем вместо транспортов из аномалии космоса в пределах системы Анкор осуществили «обратный переход» семь «Нибелунгов», движущихся под прикрытием системы «Мираж».

Десантно-штурмовой модуль группы капитана Тавгалова двигался в середине построения, отключив все энергопотребляющие системы, для него в качестве маскировки избрали генерацию сигнатуры крупногабаритного транспортного контейнера.

Задача существенно облегчалась тем, что конвои доставляли на поверхность планет технику Альянса, и сигнатуры серв-машин тринадцатого батальона, не демаскировали ложный «конвой», напротив, их наличие на борту «транспортов» полностью укладывалась в спецификацию ожидаемого груза.

Бледная, призрачная вспышка обратного перехода исторгла в метрику трехмерного космоса сигнатуры и оптические фантомы семи транспортов, между которыми в буксировочных захватах двигался крупнотоннажный контейнер.

Разведгруппа, побывавшая на Анкоре, установила, что инфраструктура обороны основана на автоматических узловых станциях, на самой планете среди множества испытательных полигонов, кибернетических лабораторий, заводов, и профильных производств, людей насчитывались единицы, – Свободные Колонии, истощенные борьбой на многих пространственных фронтах, переходили к практике тотальной автоматизации, перенимая опыт Альянса в области организации не требующих постоянного внимания человека опорных пунктов.

Новый подход к формированию планетарных баз был полностью оправдан: основные производства располагались за десятки световых лет, на планетах Центральных Миров, а отсюда ежедневно поступали массивы бесценной информации, в ответ через каналы гиперсферных частот приходили технические задания для дальнейших исследований.

Охрану всех наземных объектов и бункерных зон осуществляли машины, проходящие ходовые испытания. Руководство союза Свободных Колоний понимало, что война переходит в новую, еще более ожесточенную фазу противостояния и без участия автоматических серв-соединений победа невозможна.

Здесь на Анкоре зеркально повторялась история Дабоба – как в свое время Земной Альянс, потерпев сокрушительное поражение, начал срочную разработку принципиально новых типов планетарной техники, взяв за основу концепцию шагающих аграрных исполнителей непокоренной планеты, так теперь Свободные Колонии изучали трофейные образцы серв-машин, создавая собственную технику, внедряя в схемы знаменитых «Беркутов» и «Ястребов» системы автоматического управления, – пилотов катастрофически не хватало, управление посредством сенсорных костюмов стремительно устаревало, уступая по эффективности прямым мысленным командам, поступающим кибернетической системе на уровне мнемонической связи между человеком и машиной.

В сложившихся условиях создание новых образцов техники стало вопросом выживания. По плану тотальной модернизации флота, Колонии не отвергали руководящей роли человека, – предполагалось создать автоматические соединения, в состав которых входила бы главенствующая машина, управляемая живым пилотом.

Пока же на полигонах Анкора проходила обкатку техника, созданная на основе трофейных образцов, с интегрированными модулями «ALONE» и более продвинутой системой «Клименс-12», адаптированными для исполнения функций «ограниченной свободы», когда кибер-система исполняет лишь те действия, что переданы в качестве директив с машины ведущего.

Колонии по-прежнему отвергали полную автоматизацию пространства боя, стараясь всеми доступными способами удержать кибернетического джина в бутылке.

«Нибелунги» под прикрытием «Миражей» начали сближение с планетой.

Машины тринадцатого серв-батальона застыли в боксах, проявляя минимум энергоактивности.

Неизвестность, томительное ожидание боя давило на пилотов, но все переговоры были строго запрещены, и каждый переживал часы утомительного маневрирования, неизбежного при сближении с планетой, в глухом одиночестве собственных мыслей.

Тяжелое испытание, для психики, учитывая, что впереди ждет бой, равных которому еще не знала история наземных операций.

Кибернетические системы вышедших из гиперсферы «Нибелунгов» практически сразу начали сложный опознавательный диалог с контрольными устройствами противокосмической обороны планеты.

У человека, попавшего в пространство враждебного окружения, знающего, что основные силы флота сейчас только начинают подготовку к прыжку, вполне могли сдать нервы, но машины были равнодушны к собственной судьбе, они не испытывали ни нервозности, ни страха, оперируя данными, полученными из бортовых компьютеров перехваченных транспортных, и полностью полагаясь на защиту фантом-генераторов.

С другой стороны процедуру проверки так же осуществляли машины.

Человеку свойственно сомневаться: например, дурное настроение оператора или дежурного офицера может стать провокатором какого-либо коварного вопроса, но машины лишены недостатков, а значит, теряют и преимущества, присущие человеческому мышлению.

Им достаточно точного совпадения наблюдаемых сигнатур с заранее известными картами распределения энергий, правильных кодов доступа, разрешающих вход в пространство системы, и числящихся в реестре магнитных маркеров.

Скупой диалог машин завершился выделением безопасного коридора сближения с планетой, и «конвой транспортных кораблей» продолжил беспрепятственно двигаться к Анкору.

После полутора часов маневрирования лже-транспорт вышли сначала на промежуточную парковочную орбиту, а затем начали снижение, осуществляя вход в плотные слои атмосферы в строгом соответствии с предоставленным посадочным коридором.

До поверхности планеты оставалось менее пяти километров, когда крупнотоннажный «контейнер», буксируемый в магнитных захватах среднего «транспорта», внезапно отделился от построения снижающихся кораблей, и начал резко проваливаться вниз, объятый огнем включившихся двигателей планетарной тяги.

Кибернетические системы, зафиксировав нештатную ситуацию, тут же послали запрос, еще не поднимая тревоги, за что и заплатились: семь «транспортных», сбросив вуаль фантом-генераторов, внезапно обрели истинные очертания грозных штурмовых носителей и произвели синхронный залп из всех ракетных установок верхней и нижней полусферы.

Казалось, небо над центральной базой РТВ Анкора, превратилось в жерло извергающегося вулкана – тяжелые реактивные снаряды, вырвавшись из десятков пусковых стволов, рванулись к низким орбитам, поражая станции контроля, осуществляющие постоянный мониторинг территорий, где дислоцировались базы робототехнических вооружений, превращая в град метеорных осколков спутники навигации и связи, – атака штурмовых носителей оказалась столь неожиданной, что некоторые боевые части ракет, проскочив зону низких орбит, сумели поразить два фрегата из состава прикрывавшей планету эскадры Флота Колоний.

На командных частотах воцарился хаос. Не отвечали сбитые ретрансляторы связи, неожиданная атака вывела из строя станции глобального контроля, две из них, не выдержав попаданий, начали распадаться на отдельные фрагменты, третья, сохранив целостность, утратила параметры орбиты, грозя через несколько минут войти в плотные слои атмосферы.

Залп, произведенный с нижней полусферы штурмовых носителей, поражал наземные цели, – сотни тонн земли, перемешанной с обломками конструкций защитного периметра, уничтоженными охранными сервомеханизмами, поднялись в небеса грибовидными облаками

разрывов; «Нибелунги» тут же изменили курс, входя в зону рискованной навигации, – они двигались среди титанических выбросов, мгновенно исчезнув с экранов уцелевших после залпа следящих устройств и, синхронно с произведенным маневром, начали отстрел посадочных модулей серв-батальона.

Через десять секунд, когда все контейнеры благополучно отстыковались и вслед за десантным модулем начали снижение непосредственно на территорию базы РТВ, «Нибелунги», продолжая атакующий бросок, снизились до высоты в один километр, выдвигая из-под обшивки установки генераторов короткоживущей плазмы.

Вступительные аккорды боя, оставившие брешь в планетарной обороне, и уничтожившие большую часть устройств охранного периметра базы РТВ, на самом деле являлись лишь прелюдией к назревающей схватке.

* * *

Планета Анкор.

Группа капитана Тавгалова.

7 часов 12 минут...

Десантно-штурмовой модуль резко шел к перепаханной титаническими разрывами земле.

Контуры построек выглядели размытыми, смазанными, после ракетного удара «Нибелунгов» в воздух взметнулись тонны земли, пыли, а вслед тяжелым реактивным снарядам полыхнули залпы плазмогенераторов, превращая пылевые выбросы во всепоглощающий огненный смерч.

Внизу сейчас горела земля, размягчался стеклобетон, выходили из строя реактивировавшиеся после первого удара аварийные системы.

Контур базы РТВ все еще сохранял общую структуру построек, но опыт капитана подсказывал – наземные сооружения, как и часть первого уровня бункерной зоны уже не более чем руины...

– Всем приготовиться. – Тавгалов мог бы и не произносить стандартную фразу, бойцы вот уже несколько часов готовы к любому обороту событий, и момента высадки ждут, как спасения.

Право человека выбирать худшее из возможных зол. В космосе они оставались бесильны, запечатанные как сельди в банке, пойдя что-то не по плану – их бы уничтожили без всякого шанса на сопротивление, теперь же бойцы группы получили возможность бороться – каждый за собственную жизнь и вместе – за успех операции в целом.

Истошно взвизгнули предупреждающие сигналы, модуль ощутимо тряхнуло – касание!

Открывающий зев рампы тут же показал фрагмент объятый пламенем конструкции, кусочек клочковатого, клубящегося неба, в тишину десантного отсека ворвался звонкий лай автоматического башенного орудия, посылающего длинные очереди в дымный сумрак.

Земля содрогалась, но уже не от взрывов – поблизости совершали посадку отделяемые модули с серв-машинами тринадцатого батальона.

– Парами – вперед!

Выскочив в дымный сумрак, капитан Тавгалов мгновенно сориентировался по показаниям БСК¹⁷, встроенного в боевой шлем тяжелого бронескафандра. Ритмичная, энергичная работа сервоусилителей мускулатуры, казалось, действительно придает сил, сам факт удачного прорыва на поверхность плотно «запечатанной» планеты граничил с чудом, но капитан знал, – чудес на свете не бывает и если они происходят, то только в рамках передовых технологий

– Наблюдаю вход в бункерную зону. – Голос Тавгалова все же отдавал хрипотцой предельного напряжения жизненных сил. – Наримов, Скобин, – обеспечить проникновение, остальным рассредоточиться, позиции по выбору, занять оборону.

Вовремя.

Орудие десантного модуля не смолкало ни на минуту, сканеры гнали на проекционное забрало шлема БСК информацию о приближающемся противнике, – не смотря на ошеломляющий фактор внезапности лимита времени у них фактически не оставалось, – со всех сторон, словно материализуясь из дымного сумрака, место высадки десантной группы окружали, сжимая кольцо, зловещие маркеры – машины, уцелевшие под обстрелом и развернувшиеся на атаку «ближайшей цели», идентифицировались достаточно пестро – от БМП¹⁸ до четырех «Беркутов»¹⁹, к которым спустя пару секунд целевой монитор добавил десяток пехотных дroids и даже двух трофейных «Фалангеров».

Будет нам сейчас высадка... – промелькнула злая мысль.

– Внимание шесть серв-машин в радиусе сканирования, группа Норлока – ваш выход.

Лейтенант Норлок возглавлял отделение, вооруженное тяжелыми переносными ракетными комплексами, новым, опробованным только на полигонах средством борьбы с многотонными сервомеханизмами.

Где же наши? Что ж так медленно разворачивается серв-соединение?

Секунды утекали в вечность. Тавгалов не строил иллюзий, он знал, что прорыв будет жестоким, но без поддержки серв-батальона им не продержатся и тех минут, что требовались подрывникам для расчистки прохода в недра бункерной зоны.

Дым свивало тугими смерчами, – и то благо, – блокируется работа лазерных установок противника, да и покрытие бронескафандров пока спасает, но стоит серв-машинам пройти еще с пол километра – не укроет ни один «хамелеон».

Укрытия, за которыми рассредоточились бойцы, не спасут от залпов серв-машин.

Где же наши? – Билась в рассудке мысль.

Сумрак начинающегося техногенного ада внезапно озарили бледно-голубые вспышки плазменных разрядов, в воздухе полыхнуло радужное сияние, похожее на полярное, – это по целям снова отработали батареи «Нибелунгов», сигнатуры серв-машин противника, попав под

¹⁷ БСК – (Боевой Сканирующий Комплекс) – исполнен в виде металлокевларового полушлема с бронированным забралом, исполняющим функции проекционного экрана для вывода данных со сканеров. Оснащен системами тепловидения, лазерными дальномерами, встроенным процессором, оперативной памятью и портами беспроводной передачи данных. При наличии оптического кабеля может подключаться непосредственно к стрелковому оружию, передавая на проекционный экран точку попадания, просчитывая перемещение ствола в режиме реального времени.

¹⁸ БПМ – Боевая планетарная машина.

¹⁹ «Беркут» – общее название различных (отличающихся друг от друга некоторыми узлами и агрегатами) аграрных шагающих роботов планеты Дабог, созданных колонистами для борьбы с агрессивными звероящерами, населявшими планету. В 3609 году Первая Галактическая война по личному решению Джона Хаммера началась с ядерной бомбардировки и последующего вторжения наземных сил именно в колонию Дабога. Целью операции был захват подземных заводов по созданию и ремонту сложной кибернетической техники. Так называемая «Акция Устрашения» была призвана продемонстрировать населению иных колонизированных миров, что станет с ними при попытках сопротивления силам Альянса. Однако на Дабоге колонистами задолго до начала галактической войны были разработаны уникальные шагающие серв-машины. Несколько пилотов, вооружив своих «Беркутов» горнопроходческими лазерными установками сумели не только остановить вторжение десантных подразделений Альянса, но и вынудить силы вторжения вернуться на орбиты планеты. По аналогии с аграрными серв-машинами Дабога, Земной Альянс, используя концепцию универсального шасси, создал собственные образцы серв-машин. Подробнее о событиях начала галактической в романе «Дабог».

уничтожающий плазменный удар, начали таять, подкрашиваясь в серые тона, что ясно свидетельствовала о разрушении их бронепокрытия.

Лейтенант Норлок к моменту плазменного удара вместе с двумя бойцами уже занял позицию в полуразрушенной наземной постройке.

Одну стену вынесло взрывом, сразу за проломом начинался крутой скат исполинской воронки, частично поглотившей некоторые помещения первого уровня бункерной зоны, – плиты перекрытия, взломанные ракетным ударом, раскололись и торчали под разными углами.

Внизу тлело зарево пожара, воронку и окрестности застилал едкий дым, бойцы, не обращая внимания на взрывы, продолжающие сотрясать окрестности, метнулись к выбитым оконным проемам, устанавливая на пусковой платформе боевую часть комплекса «Прометей».

Удар плазмы, о котором предупредил сигнализатор боевого процессора, превратил поднятую в воздух смесь земли и пыли в огненный ураган, горело все: между руинами зданий пронесся огненный вал, контуры серв-машин на целевых мониторах подернулись серым, огонь им, конечно, был нипочем, но часть плазмогенераторов штурмовых носителей работали не по площади, а точно по целям.

– Серв-машины спеклись. – Норлок метнулся к установке залпового огня, по ходу отметив, как опасно начало проседать размягченное адской температурой плазмы стеклобетонное перекрытие здания.

На целевом мониторе остались лишь три БПМ, рвущиеся по перепаханной воронками улице к зоне высадки серв-батальона.

Несколькими касаниями сенсоров он запустил программу автоматического огня, одновременно отдавая приказ:

– Всем из здания! Ищем укрытия снаружи, – перекрытие не выдержит работы «Прометей»!

На улице огромными хлопьями сажки кружил черный снегопад.

Норлок метнулся к ближайшему зданию с уцелевшей коробкой стен, но едва он успел заскочить за угол, как целевой монитор проекционного забрала выбросил сразу пять сигнатур: неопознанные механизмы, схемы которых не оказалось в базах данных, промелькнули и исчезли, но они успели зафиксировать подготовленную ловушку и передать по локальной сети данные кибернетическим системам БПМ.

Поперек улицы мгновенно встала стена разрывов, снаряды, выпущенные из башенных орудий боевых планетарных машин, снесли угол здания, где был установлен «Прометей», затем разрывы наискось пересекли улицу, превратив в дымящийся щебень часть строения, за которым только что скрылся Норлок.

Лейтенанта ударило в спину, на фоне всплеска ослепительного пламени пришла острая, пронзившая все тело боль, Норлок упал, машинально попытался вскочить, но сервомускулатура скафандра не подчинялась усилиям внезапно ослабевших мышц.

Он не успел.

Тускнеющий взгляд лейтенанта видел, как три машины противника выползли на образованную обломками строений возвышенность, вновь ударили их орудия, чей-то предсмертный вскрик угасающим эхом рванулся в коммуникаторе и вдруг, вопреки тягостным предсмертным предчувствиям из оплывшего, нелепо покосившегося здания ударил «Прометей».

Реактивные снаряды уходили по траектории прямой наводки, прожигая броню планетарных танков, еще секунда и мощные внутренние взрывы выметнули в небеса башни двух крайних БПМ, третья, расположенная по центру позиции, получив два попадания, просто превратилась в факел.

Сознание начало окончательно меркнуть.

Норлок лишь успел удивиться, что смерть не так страшна, как он думал.

Просто бьющие в десятке метров от него фонтаны расплавленного металла и яростного гудящего пламени вдруг начали отдаляться, превращаясь в дрожащие огоньки свечей, трепетно сияющие на фоне вселенской черноты...

Тавгалов воспринял смерть лейтенанта Норлока тяжело. Высадки без потерь он не ждал, но...

Свинцовые мысли нарушил долгожданный доклад Шмелева:

- Батальон высадился. Потерь нет, сообщите координаты для прикрытия, капитан.
- Поздно майор. Мы уже справились. Зона высадки чиста.
- Потери?
- Да. Группа огневого прикрытия в полном составе. У меня осталось четверо бойцов.

Борт крейсера «Апостол»...

- Господин адмирал, разведка докладывает: группа Тавгалова высадилась.
- Отлично. Что серв-батальон?
- Данные неполные, но в районе высадки идет бой с применением тяжелых вооружений.
- Как реагируют корабли противника?
- Пока остаются на прежних позициях. Прикрывают планету от вероятного удара из космоса.
- Ждем. Ждем в готовности к гиперпрыжку. Докладывайте мне любые изменения обстановки.

* * *

Планета Анкор. Тринадцатый серв-батальон.

7 часов 18 минут...

Рассеивание по площади при снижении посадочных модулей с серв-машинами не превышало двух километров. Такое расстояние минимально необходимо, чтобы планетарные двигатели отделяемых отсеков не влияли друг на друга при посадке.

Плазма, рвущаяся к земле, работала, как тяжелое вооружение, – посадка серв-батальона, включавшего в свой состав тридцать пять машин, походила на апокалипсис: планетарные двигатели сдували, испаряли тонкий маскирующий слой почвы, прожигали перекрытия из армированного стеклобетона, температура на верхних ярусах бункерной зоны противника стремительно росла, мутные гейзеры дыма и перегретого воздуха били из отверстий вентиляционных шахт, добавляя хаоса в смертельный танец разрывов от непрекращающихся ракетных ударов, которыми штурмовые носители поражали все цели, обнаруженные в радиусе тридцати километров от зоны высадки.

Благодаря новейшим техническим средствам маскировки и точно рассчитанной операции случилось самое страшное, что только может пригрезиться командиру, ответственному за планетарную оборону, – штурмовые носители без единого выстрела прошли зону низких орбит и, оказавшись над поверхностью планеты, обрушили всю свою огневую мощь на инфраструктуру наземных объектов.

Зону высадки и прилегающие территории окутало густое черное облако, – сажа витала в воздухе, выбросы от множества разрывов смешивались между собой, клубились, подсвечивались снизу все новыми и новыми вспышками попаданий, облако росло ввысь и вширь, накрывая площадь около сотни квадратных километров; в таких условиях ни одна орбитальная кибернетическая система не в состоянии точно определить количественный состав противника и процент собственных потерь в системе наземной обороны.

«Нибелунги» перешли в режим формирования плазмы, чтобы не сжигать драгоценное планетарное топливо, и, израсходовав оперативный боекомплект всех установок нижней полусферы, внезапно, не осуществляя посадки, начали подниматься вверх, к границе клубящегося, грибовидного облака.

Никто не сумел предугадать их маневра. Обычно штурмовые носители осуществляли посадку недалеко от позиций серв-машин, обеспечивая им дополнительное огневое прикрытие, перезарядку и мелкий текущий ремонт, но на этот раз все происходило иначе, как будто здесь сжигались прежние учебники по тактике планетарных боев.

Поднявшись на высоту одиннадцати километров, штурмовые носители, пользуясь хаосом, царящим в зоне низких орбит, вновь включили фантом-генераторы, организовав незамысловатую, но крайне эффективную ловушку. Командир соединения полковник Горелов четко просчитал действия противника – учитывая порванную сеть наземной обороны, где сейчас высадившимся серв-машинами противостояли лишь разрозненные огневые точки, перешедшие в автономный режим, единственным способом перехватить инициативу, сорвать атаку серв-машин и покончить с ними, оставался массированный удар аэрокосмических истребителей.

«Нибелунги» включили режим геостационарного маневрирования, находясь на размытой границе облака, кибернетические системы определили взаимное расположение космических кораблей противника, рассчитав зоны вхождения аэрокосмических истребителей в плотные слои атмосферы.

Они появились внезапно – десять скоплений стремительно растущих точек, «Нибелунги» парили ниже и почти тот час же все установки верхних полусфер штурмовых носителей озапалились вспышками залпового огня.

Часть истребителей разлетелась на фрагменты, прямые попадания ракет с убийственно-короткой дистанции не оставляли времени для маневра уклонения, брызги сгорающих в атмосфере осколков поражали соседние машины, все происходило в течение десяти-пятнадцати секунд и завершилось массированным залпом плазмогенераторов, после которого штурмовые носители вновь круто ушли к земле, перезаряжая орудийные и ракетные комплексы.

* * *

Анкор. Высокие орбиты.

На боевом мостике крейсера «Элиот» царил полнейший хаос.

Командир флагманского корабля защищавшей планету эскадры адмирал Ипатов переживал худшие минуты в своей жизни.

Бесноватые штурмовые носители Альянса, обманом просочившиеся через заслоны противокосмической обороны, теперь спокойно, уверенно, расчетливо подавляли всякое сопротивление, используя полученное тактическое преимущество.

Сергей Владимирович хотел бы, но не мог отказать своему противнику в высшей степени профессионализма, однако такое мысленное признание ничуть не меняло сложнейшей оперативной обстановки.

За четверть часа уничтожена сеть наземной обороны главной базы РТВ планеты, потеряно сорок три аэрокосмических истребителя, разорвана единая структура противокосмических комплексов, базирующихся на низких орбитах, – чудовищный удар, конечно, но фактор внезапности, позволивший противнику учинить настоящий разгром, уже отыграл свое.

Не смотря на помехи для работы сканирующих устройств, специалистам эскадры, защищающей Анкор, все же удалось определить численный и качественный состав противника.

Семь «Нибелунгов» высадили на поверхность серв-батальон, насчитывающий (в различных вариантах комплектации) от тридцати до тридцати пяти машин. Плюс десантный модуль.

На что они рассчитывают?

Захват планеты? Исключено. Слишком мало сил. Сейчас уляжется хаос в информационных сетях, и что тогда спасет десант от полного, немедленного уничтожения?

– Долматов!

Рядом с адмиралом выросла фигура начальника аналитического отдела эскадры.

– Что они замышляют? Мне необходимо понять логику действий серв-батальона!

– На центральной базе РТВ сосредоточены для испытаний девяносто восемь трофейных серв-машин. Из них сорок два «Фалангера».

– Не понимаю. Ну, хорошо, там есть серв-машины. Что дальше? Где пилоты, боекомплекты? – Сергей Владимирович еще не оправился от болезненного морального удара, реагируя на доклад с разраженным недоверием. – Ну не молчи, полковник, говори как есть. Где они возьмут пилотов?

– Все там... – Упавшим голосом произнес Долматов.

– То есть? – Лицо адмирала исказила гримаса ужаса.

– Руководство баз РТВ и исследовательского отдела уведомило нас накануне вечером, что планируются масштабные учения, с испытанием новых образцов нашей техники, разработанной специально для борьбы с серв-машинами.

Удар. Еще один сокрушительный информационный удар. Как же так?! Выходит, противник знал о готовящихся испытаниях, а я нет?!

– Ладно... Ладно... – Ипатов сумел усилием воли взять себя в руки. – Все понятно. Настоящие боевые учения. Там есть боекомплекты, машины, в принципе готовы выступить на стороне прорвавшегося противника. Но кто ими станет управлять?

– Пилоты, господин адмирал. Вражеские пилоты...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.